Вера Петрук

Сага о Халруджи

Дьявол из пустыни

Вера Петрук

Сага о халруджи. Книга 6. Дьявол из пустыни

«Автор»

2023

Петрук В. А.

Сага о халруджи. Книга 6. Дьявол из пустыни / В. А. Петрук — «Автор», 2023

Бывших убийц Белой мельницы либо убивают, либо отправляют в отставку. Арлингу предложили изгнание, но индиговый ученик и халруджи предпочел выбрать свой путь. Восстав против древних, он откроет в себе силы, чтобы противостоять не только проснувшимся богам прошлого, но и новым – сагуро, которые поднимают головы во времена хаоса.Пророчество сбудется, передел мира начнется, и кто-то должен встать во главе новой империи. Но больше всего Арлинг хочет вернуть Магду, жизнь которой зависит от жизни безумного императора.Последняя книга "Саги о халруджи".

© Петрук В. А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Северный ветер 5
Глава 2. Родные берега 15
Глава 3. Мороки 24
Глава 4. Жертвенная 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Вера Петрук
Сага о халруджи. Книга 6. Дьявол из пустыни

Глава 1. Северный ветер

Осознание себя нового вторглось в голову вместе с грохотом волн, свистом ветра и скрипом огромного судна, которое пыталось выжить в шторме, нагрянувшем внезапно – как и все события в жизни Арлинга Регарди в последнее время.

Лежа на полу, он успел схватиться рукой – теперь единственной, за ножку прибитого к палубе стола, чтобы не врезаться в тяжелый сундук у стены. Пол качался, мир вокруг Регарди тоже. Мебель в его роскошной каюте была та самая, морская, специальная. Шкафы, стулья, сундуки, крепкий просоленный стол – все стояло на своих местах намертво. И лишь Арлинга швыряло по сторонам, словно тряпку, разорванную псами. Впрочем, швыряло не только его.

«Золотой шаман» в очередной раз взлетел на волне и врезался крутой скулой правого борта в гребень, срывая пену, шипение которой раздалось буквально в голове Регарди. Он слышал, как вода – наверное, зеленая и прозрачная, окатила палубу от высокого бака до кормы, и парусник грузно перевалился на другую сторону, отвесно падая к подножию следующего вала.

Волны, Магда, иман, Нехебкай, Керк и даже само судно – все говорили разом. Память с трудом отделяла одних, соединяла других, искажала третьих.

«Вороны кричат, слышишь? – горячо шептала Магда, трогая его шершавыми ладонями, покрытыми чешуей. – По нам с тобой. Найди то самое место, оно в горах, но не в этих. Важно то, что происходит, а не то, что произойдет. Понюхай воздух. Он пахнет бурей».

Арлинг выбросил руку, стараясь отбить удар хвоста с нацеленным ему в горло шипом, но его запястье легко схватили знакомые пальцы. Учитель держал твердо, ровно до тех пор, пока Регарди его не узнал. Вернее, притворился, что узнал. Иман это понимал, но ситуация временно устраивала обоих. От Тигра Санагора больше не пахло водкой моханой, его голос звучал ровно, движения были собранными и спокойными, как всегда таящими в себе угрозу. Древним больше не за что было волноваться. Ведь пока все шло по плану – старый мир снова должен был погибнуть, новый в очередной раз возродиться. Сцена готова, марионетки ждали кукольника. У одной из кукол не хватало руки, но ее научат плясать и в таком виде – не впервые.

– Культя формируется хорошо, – довольным голосом говорил иман, и Арлингу был хорошо знаком этот тон. Так же учитель звучал, когда много лет назад его слепой ученик впервые без ошибок выполнил все упражнения старших классов на Огненном круге.

– Я натянул лоскуты кожи с локтя. Полное созревание наступит через недель десять, но мы никуда не торопимся. Пусть император сначала увидит тебя таким. Ты сейчас выглядишь плохо, и это хорошо. Слепой, слабый, больной и однорукий – Седрик точно не захочет встречать свой сто первый год в таком обличье. Пусть привыкает к Керку. Потом начнем тебя восстанавливать, но простейшие упражнения можешь делать уже сейчас. Если боль позволяет, зажимай культей ложку или мелкие предметы. Ты меня слушаешь, Лин?

Голос был имана, говорил он то же, что и иман, но это был не Тигр Санагор. Арлинг запутался в его именах, но тот учитель, что стал его путеводной звездой много лет назад в темных песках Сикелии, растворился во мраке. Его поглотил древний, который сейчас хоть и

спасал мир, но в слепых глазах Регарди превратился в дьявола, которого требовалось изгнать. Вот только спасать было некого. Если верить словам имана, Махди – тот самый первый ученик Нехебкая, который научил Арлинга жить в мире с новым телом и поделился с ним тайным знанием – солукраем, стал пылью во времени. Как не было больше Магды – той единственной, которая сейчас могла бы починить его поломанную душу. О теле Регарди не думал. Оно как обычно старалось выжить.

– Рука немного опухла, но отек вскоре сойдет, – задумчиво приговаривал иман, рассматривая Арлинга, как подопытную зверушку в своем зоопарке. – Сейчас я покажу, как правильно бинтовать культю, а ты запоминай внимательно. Завтра я пересяду на другой корабль, возникли дела в Агоде. Ты все равно какое-то время будешь привыкать к своей бывшей родине. Я вернусь ко дню рождения императора. Времени у нас немного, но хватает. Один в Согдиане ты, конечно, не останешься, потому что к таким играм я тебя не готовил. Держись за Керка, вы встретитесь в столице. Знай, что он с тобой на одной стороне. А также не забывай о нашей договоренности. Пока ты тут отдыхал, Даррен с арваксами захватили Гундапакс. Твоя задача – никуда не вмешиваться, но привлекать к себе внимание. Все игроки Согдарии за исключением императора должны тебя заметить. Нам всего-то нужна отсрочка, и если она у тебя получится, каждый останется довольным. Ты сейчас единственный законный принц Согдарии, потому что других наследников у Седрика Гедеона не осталось.

– Вы постарались? – не удержался от колкого замечания Арлинг, и собственный голос было не узнать.

– Ты сейчас меня не слышишь, поэтому не станем обсуждать, что будет дальше, – проигнорировал его вопрос иман.

– Дэйра…

Арлинга перебили.

– Твой темный солукрай – вот, о чем я помню, – сердито произнес учитель. – У тебя не получится избавиться от Нехебкая самостоятельно, но, когда я вернусь, попробуем вместе.

А затем резко сменил тему:

– Культя бинтуется строго снизу вверх, следи, чтобы натяжение бинта было одинаковое. Слуги будут предлагать тебе помощь, но к перевязке никого не подпускай. И вообще, не доверяй никому. Сначала бинт оставляй на полчаса, потом сохраняй сжатие на весь день. И нужно растягивать мышцы культи, чтобы сохранить подвижность суставов. Ты чувствуешь кожу на этой руке?

Арлинг ощущал всю руку так, будто она по-прежнему была продолжением его тела, с той оговоркой, что каждый нерв этой руки поразила неизвестная болезнь, и с тех пор конечность горела в огне.

– Чувствительность культи надо восстанавливать, – недовольно хмыкнул иман, поднимая и опуская то, что осталось от руки Арлинга. – Для начала массируй кожу щеткой. Я также оставлю тебе мази и снадобья. Никому не позволяй к ним приближаться, понял? Тебе не запрещено покидать каюту, но лучше следи за своими вещами. Успеешь походить по твердой земле.

Как же плохо должны были обстоять дела в согдианском дворе, если страх предательства кружил даже в море, далеко от столицы и ее интриг. Или имана тревожило что-то еще? Он не ответил на невысказанный вопрос о Дэйре, спасение которой стало условием Арлинга там, на уже далеком самрийском берегу, но, на самом деле, Регарди было плевать на дочь Нехебкая. Ему был важен только один человек на свете – Магда. Но человеком она уже не являлась.

– Я помогу тебе с тренировками, когда вернусь, но простые упражнения начнешь делать сам, – голос учителя звучал так, будто и не было всех этих лет изгнания Арлинга из его жизни. – Обрати внимание на баланс и координацию, с ними могут быть проблемы. Обычно глаза контролируют движения руки с протезом, поэтому тебе придется сложнее. Я бы от протеза на твоем месте отказался, но его придется носить из-за императора. И помни: «меньше значит

больше». Чем меньше ты нуждаешься, тем ты свободнее. Ты мое лучшее творение, Арлинг, но сейчас у тебя две слабости, от которых нужно избавляться. Это темный солукрай и привязанность к тем, кого ты впустил в свою жизнь. Не бери с меня пример. Я вот к тебе привязался, и оттого не все идет по плану.

Море гудело, и в голове Арлинга тоже. Ах да, он совсем забыл о Сейфуллахе, Хамне, и кто-то был с ним еще. Ученики имана, жизнь которых почему-то стала ему важна. И только о Магде Регарди помнил всегда. О том, что ее больше с ним нет.

– Все эти горячие сикелийцы едут в трюме вместе с Салуаддин – запертые под сто замков, – ответил на его невысказанный вопрос иман. – Их доставят во дворец отдельной каретой, и им запрещено покидать территорию твоих личных покоев без тебя. А знаешь, как будет? Ты убьешь их. Сначала моих учеников, потом Хамну, а затем Сейфуллаха. Нет, я не стану тебе приказывать. Ты сделаешь это по своей воле. А когда я вернусь, мы будем вместе, Лин. Нам надо наверстать упущенное.

«Мы будем вместе» – где же эти слова были все то время, пока ноги Арлинга топтали жаркие пески Сикелии? Сейчас он возвращался в Согдарию, которую когда-то считал домом, его любимая женщина превратилась в чудовище и отправилась за ним следом, собираясь сожрать его при оказии, а в голове Регарди поселился древний бог, которого, как выяснилось, Арлинг сам же нечаянно и пленил. Кажется, учитель опоздал.

Мир давно обрушился на голову халруджи, и ближайший конец света уже не казался фатальным. У слепого появилась надежда, и отпускать ее из своего сердца Арлинг не собирался. Теперь он по-настоящему желал вернуться на родину. Он будет ждать встречи с императором – эта единственная фигура согдарийского двора, которая его интересовала. Что же до учителя – ответа на этот вопрос у Арлинга пока не было.

Разговор с иманом уплыл, уступив место шепотку Магды, которая плыла где-то рядом, вероятно, под днищем фрегата. Выжидала удобный момент, потому что гигантская сколопендра не только не любила плавать, но и ненавидела штормовые волны.

«Гора истекает кровью, но скоро камень распадется», – продолжала Фадуна, чей голос был уже едва слышен. Буря усиливалась.

Затем пришел Керк. Он застал Арлинга врасплох, чего не случалось давно. Впрочем, многое что приходилось переживать заново, привыкая к новому состоянию – тела без руки, души без веры, сердца, любовь которого сгорала в собственном пламени.

– Пришел попрощаться, – заявил Керк с порога, плотно прикрыв за собой дверь. – Как же смердит от твоей культи. Я думал, что это волны подняли со дна дерьмо морского дьявола, но это всего лишь ты.

Верно, воняло знатно. Арлинг даже подозревал, что учитель специально добавил в мазь особо зловонные ингредиенты, чтобы приглушить его обоняние. Он слышал движения Керка, но запахи его пота, волос, одежды пробивались с трудом.

– А, может, ты уже начал гнить? Не лучше было остаться там, на Гургаране?

– Проваливай, – поприветствовал Регарди того, кто, по словам имана, должен был стать его путеводной звездой в темноте интриг согдианского двора. Странные дела творил учитель, впрочем, как всегда. Арлингу даже стало любопытно, под каким соусом иман подал кучеяра Керка из южных колоний придворным императора. Хорошим манерам его явно не научили.

Регарди знал, что Керк нападет, и даже чувствовал, куда тот целил – в еще незаживший обрубок его руки, но кучеяр не зря считался ныне лучшим индиговым учеником Тигра Санагора. В воздухе раздался хлопок, и ноздри Арлинга обожгло перцем. Теперь стало ясно, отчего Керк гнусавил – собственное обоняние кучеяр защитил специальными скрутками для носа, а вот Регарди успел вдохнуть. Адская смесь порезала горло и выжала слезы из слепых глаз. В голове грохотали волны, а под толщей воды билось его сердце – удары отдавались по всему миру, навалившемуся на Регарди сверху. То был Керк, придавивший его коленом и наносив-

ший удар за ударом по обрубку, который Арлинг неосознанно выбросил вперед, забыв, что рука стала короче и служить оружием больше не может. Горело внутри, горело снаружи. Регарди больше не скользил на гребне волны, она сбросила его, заставила наглотаться пены и собиралась утопить.

– Ты поднял руку на учителя, – раздался фанатичный голос Керка, который хорошо контролировал ситуацию, удерживая задыхающегося Арлинга в локтевом захвате. – Он, может, тебя и простил, но я – никогда. Я уплываю с Тигром в Агоду, а чтобы ты обо мне помнил, оставлю подарок. Никогда не смей вставать между мной и учителем. Когда мы встретимся в Согдиане, ты проживешь недолго.

Арлинг понял, что произойдет за секунду до того, как нож Керка вонзился в его целую руку, прижатую коленом кучеяра к полу. Отдав боль, что терзала его изнутри и снаружи Нехебкаю, который все это время изображал несуществующего, Регарди спас руку, попытавшись освободиться от захвата, но иман хорошо натренировал кучеяра – Арлингу казалось, что он сражался с самим собой. Кость удалось сохранить, но лезвие отведало его крови, вонзившись в ладонь единственной руки.

В следующий миг Керка отбросила в сторону неведанная сила, которая тут же заговорила голосом Хамны.

– Держу ублюдка! Только скажи, и я перережу ему глотку.

Арлингу было не до нее, и не до Керка. Он пытался побороть приступ паники, потому что почти поверил, будто его вернули на двадцать лет назад, когда тело казалось врагом – неподвластным, чужим, опасным. Слепота собиралась стать полновластной хозяйкой. Но вот сквозь вспышки боли, звучавшие в голове похоронным набатом, пробилось дыхание Хамны и ее противника, которого она сдерживала с трудом. Керк был выше, крупнее, сильнее, с двумя руками, но Хамна была не только етобаром-смертницей, но еще и халруджи Арлинга, и Регарди по себе помнил, каково это, когда твоему господину угрожала опасность. Одно осознание этого пробуждало второе дыхание и оживляло даже мертвое тело. Но знать, кто победит, он не хотел.

– Пусти его, – прохрипел Регарди.

Хамна не слушалась, сдавливая хватку, и Арлинг чувствовал, что пружина скоро лопнет. Такого, как Керк, нельзя было загонять в угол, но наконец кучеярка отпустила противника, рывком отбросив его в сторону двери.

– Воля господина сохранить тебе жизнь, – прошипела она, и Регарди поразился ненависти, прозвучавшей в ее голосе. Кажется, Керк пока только ему переходил дорогу. Хамна же совсем не была похожа на ту, что сидела под замком в трюме.

– Даю тебе три секунды убрать зад с этого корабля, – бросила она Керку. – И лучше в Согдиане нам не встречаться.

Странно, но Керк ее послушался, тут же выскользнув за дверь. До Арлинга не сразу дошло, из какого оружия Хамна целилась в кучеяра. И оттого, что он не мог быть сейчас ни в чем уверен, а лишь догадывался, его разрывало от отчаяния. Трубка с метательными дротиками, вымоченными в яде, – излюбленное оружие етобаров, которое прекращало любые дискуссии. Вероятно, Хамна держала в руках его.

– Он вернется, – прошептал Арлинг. – Я сам!

Это был каприз, вопль злости и бессилия, на который его халруджи не обратила внимания. Резким движением выдернув кинжал из руки Регарди, она попыталась ее перевязать. Арлинг ощутил касание ткани, но оттолкнул кучеярку локтем. Движение отозвалось болью во всем теле, обрубок же руки подозрительно онемел, обещая познакомить его с новыми гранями боли в ближайшем будущем.

– Я сам, – повторил Арлинг, чувствуя, что намокает повязка на глазах. – Проклятый перец!

В следующий миг на его голову опрокинули кувшин воды, который, действительно, смыл перец, а еще отрезвил рассудок. Арлинг услышал, как в задраенный люк грохнула очередная волна, понял, что корабль сейчас снова накренится, но ухватиться за что-нибудь прочное не успел. Зато это сделала Хамна, которая перехватила его поперек груди и вместе с ним проехала по полу к столу, в последний момент схватившись за прибитую к полу массивную ножку. Одно хорошо – к Арлингу быстрыми темпами возвращалось обоняние, и здесь можно было подозревать только солукрай. Пораженная перцем слизистая носа за несколько минут не восстанавливалась.

– Чтоб их всех забрал дьявол, – пробормотала Хамна, затаскивая Регарди на кровать и усаживаясь рядом. – Дай руку, – настойчиво произнесла она, но Арлинг осторожно выставил локоть, предупреждая ее держать дистанцию. Нет, вопрос был не в доверии, а в последних словах имана, которые застряли у него в голове. Меньше значит больше. Если он не сможет помочь себе с раной, что говорить о Магде, ради спасения которой предстояло совершить невозможное?

– Глупо, – фыркнула кучеярка. – И уж точно ни иман, ни Керк не вернутся. Я видела, как Керк садился в лодку, а потом передумал и снова поднялся на борт. Тогда и догадалась, что он решил тебя навестить. Иман уже давно на другом корабле, я проследила. Хотя буря, конечно, испортит планы многим.

– Ты же под замком.

– Ну, мы с Сейфуллахом решили, что нам взаперти сидеть несолидно, вот и договорились с капитаном. Нас не закрывают, мы на глаза Тигру и его людям не показываемся. Но сейчас-то все перебрались на другой корабль. Да ты лучше сам Сейфуллаха спроси. Он собирался заглянуть к тебе вечером. Кстати, двух охранников, которых к тебе приставили, я выбросила за борт. Сейчас сильная волна, все наверняка подумают, что их смыло. Это самодеятельность, но они подчинялись напрямую Керку, и я решилась, что добра от них не ждать. Ты же не против? Я принесу горячей воды, надо обработать раны.

«Мы с Сейфуллахом» – из уст наемницы, которая когда-то приложила столько сил, чтобы убить Аджухама, звучало странно.

– Уходи, Хамна, – попросил Арлинг, заваливаясь на кровать. – И дверь закрой. До утра пусть меня никто не беспокоит. И ты тоже.

«Правильно, – прошептала в его голове Магда, – нам никто не нужен».

Он был уверен, что Хамна не послушает его, но нет – она ушла. И даже дверью не хлопнула.

Качка усилилась, грохот волн оглушал, Арлинг же недолго оставался на кровати и сполз на пол добровольно, потому что цепляться ногами за ножки стола было сподручнее. Выждав паузу, когда корабль скатился с гребня к подошве нарождающейся волны, он попытался зацепить бинт, который приготовила Хамна, пальцами ног и намотать на поврежденную руку. Где-то там на закрепленной у кровати тумбочки глухо бряцали в коробке мази и снадобья, оставленные иманом. Бутылки были предусмотрительно обложены кусками ваты, но разгорающийся шторм все равно умудрялся ими греметь.

Обоняние Арлинга почти восстановилось, и вероятно, он смог бы найти нужное лекарство, но ладонь единственной руки опухла и вряд ли была способна вытащить хотя бы пробку. К тому же мир Арлинга изрядно приглушал резкий запах соевого масла, несколько бочек которого моряки опрокинули за борт, чтобы успокоить волны и дать людям возможность безопасно высадиться в шлюпки.

Фрегат «Золотой шаман» явно переживал не лучшие времена, и невольно закрадывались мысли, почему иман решил покинуть его в столь неудобный момент. Да еще и Керка с собой забрал. Только ли в Агоде скрывалась причина? С другой стороны, корабль все еще вез важный для императора груз – тело Салуаддин, которое перегрузить на другое судно в открытом море

да еще в такую погоду не представлялось возможным. Разве что иман догадался о подлоге, устроенным Сейфуллахом… Утопить разом Арлинга, Аджухама и других неугодных, которых, вероятно, погрузили на фрегат в Самрии, могло быть практичным шагом. Что древним какая-то буря в море после того, как они смогли затопить пустыню Сикелии дождями и засеять ее вечнозелеными травами?

Глупые, тревожные мысли посещали Арлинга. Так же глупо было отказываться от помощи Хамны, как надеяться, что не загниет его рана, которую после многих попыток он таки сумел перевязать пальцами ног. И тогда он лишится второй руки, потому что любая царапина всегда могла превратиться в гангрену. Можно было кричать – в грохоте волн, в котором тонул весь мир, его бы все равно никто не услышал. Даже крики и топот команды на палубе сливались в общей какофонии.

А еще глупо было надеяться на древние знания императора, в которых Регарди увидел последний шанс спасти Магду и быть с ней вместе. Седрик едва ли захочет ими делиться, а то, как Арлингу удалось пленить Нехебкая, осталось для него секретом. Он уже давно качался на волнах, не чувствуя твердой почвы под ногами. Нехебкай был загадкой, темный солукрай тоже, а веры в имана остались лишь столько, чтобы не испытывать ненависть. Да и тут Арлинг подозревал, что обманывал самого себя.

– Ты там? – прошептал он, зовя Нехебкая, но Индиговый все еще трусливо прятался, посылая нечеткие образы. «Золотой шаман» трещал и скрипел так, что казалось, еще удар и послышится грохот падающих мачт. Арлинг ничего не знал о мореплавании, но слышал о том, что после падения мачты шансов у корабля выжить в шторм не было. А еще он слышал о «трех сестрах» и «столетней волне» – байки, которые травил морской люд в каждом портовом кабаке, где Регарди не раз приходилось бывать, выполняя задания имана. Опасными были три последовательные, самые большие волны во время шторма. Первая вскидывала корабль, вторая швыряла, третья накрывала и убивала. Если встречу с «сестрами» бывалые моряки и переживали, то те, кто видел «столетнюю» волну, на сушу больше не выходили. Эта волна «жила», затаившись у отмелей в ожидании подходящего сочетания ветра и течения. Мореходы твердили только о вдруг взметнувшемся крутом, как утесе, гребне, за которым образовывалась гигантская воронка. В нее затягивалось беспомощное судно, воронка захлопывалась и хоронила его под толщей воды.

Ему нужно было успокоиться. Сейчас все казалось фатальным. «Золотой шаман» должен был непременно утонуть, Арлинг станет слепым калекой, иман окончательно его предаст, Магда превратится в недостижимую мечту, те немногие близкие, что окружали Регарди, погибнут.

– Я здесь, – вдруг откликнулся тот, кто доставил Арлингу немало проблем хотя бы тем, что всегда говорил загадками. Одна история с его дочерью чего стоила. Встречаться с этой Дэйрой Регарди точно не хотел, как и иметь с ней какие-либо дела. Он до сих пор не мог всерьез отнестись к тому, чего так опасались иман с императором – что ближайший конец света, в который на этот раз все так свято верили, будет связан именно с этой девицей. Хотя, может, она уже и не молода, а спасать предстояло старую каргу. Да и во что она такое вляпалось, что спасти ее под силу было лишь такому, как Тигр Санагор? Какая-то часть Арлинга всячески противилась ее спасению, другая – та, которая успела срастись с Нехебкаем, верила, что иман сдержит слово. Что было сомнительно, потому что Регарди тоже не собирался соблюдать свои условия сделки.

– Отлучился по делам, а ты тут, смотрю, не скучал, – прошелестел в голове змеиный голос. – Действительно, зачем тебе вторая рука? Хотя я в тебе не сомневаюсь, скоро ты научишься все делать ногами – есть, одеваться, метать ножи. Может быть, даже держать ими саблю. И когда этот Керк стал для тебя настолько сильным противником?

Правильнее было бы спросить, почему Арлинг не позволили Хамне его убить. Тогда в Регарди проснулась интуиция, которая взяла вверх над ненавистью, но сейчас, как всегда, хотелось в себе сомневаться. По правде, у Арлинга не было причин желать его смерти – ревность к учителю, которой пылал Керк, в Регарди затухала, как вулкан, который слишком долго истекал лавой.

Арлинг собирался прогнать и Нехебкая тоже, когда в комнату ввалились те, которым он был рад, хотя сам никогда бы в этом себе не признался. А так как корабль продолжало швырять по волнам, ученики имана сразу же рассредоточились по стенкам, усевшись на корточки, словно корабельные духи, Сейфуллах по-хозяйски расположился на стуле за столом, плотно вцепившись в столешницу, чтобы меньше качаться, Хамна же заняла место у тумбочки, где принялась копаться в склянках, и Регарди понял, что гангрены у него не случится. Иман считал, что всех этих людей Арлинг убьет по собственному желанию, и Регарди многое бы отдал, чтобы понять, почему учитель так думал. Никто из их не был похож на узника, от Блая и других учеников пахло тушеным мясом и чесноком, Сейфуллах же звучал бодрее всех.

– Как же я рад тебя видеть, старина, – приветствовал он Арлинга, впрочем, не делая попыток обнять его или пожать руку. Невольно вспомнилось старое кучеярское суеверие не трогать калек и раненых, чтобы случайно не накликать беду на себя. Упрекать Сейфуллаха не представлялось возможным – и у драганов было полно подобных примет. Аджухам же всегда был парнем осторожным, и Арлинг, как бывший халруджи, мог только похвалить его. Правильно, мало ли какую заразу можно подхватить от слепого однорукого и явно больного на голову драгана.

– Как же так, как же так, – покачал головой Аджухам, не в силах отвести глаз от окровавленной культи Арлинга, за которую принялась Хамна. Регарди решил не противиться, потому что чувствовал – швы лопнули.

– Всегда знал, что нельзя попадаться этому Тигру под горячую руку. Даже не буду спрашивать, что ты ему наговорил. Это ваше дело. Но надо было, наверное, очень постараться. Я столько раз ему перечил. Ты уже, наверное, и не помнишь, что ему сказал. Не помнишь, да?

– Когда ты закончишь свои дела с Керком в Согдиане, я отрублю ему обе руки, – произнесла между делом Хамна, прокаливая иглу над свечкой. Она решила наложить еще один шов поверх того, что разошелся от удара Керка. Обрубленная рука Арлинга подозрительно онемела до плеча, поэтому из всех чувств его сейчас одолевал интерес – как Хамна справится с иглой, когда у нее самой вместо одной руки протез. Впрочем, до сих пор она управлялась с ним так ловко, будто вместо левой руки у нее была гибкая кисть, а не конечность куклы.

– Прости, – сумбурно прошептал Арлинг, вспомнив момент, когда его лезвие отсекло запястье Хамны – наемницы по прозвищу Акация.

– Я и не собиралась уходить, – фыркнула кучеярка, истолковав его слова по-своему. – Просто решила, что надо сменить руку, так как с боевым протезом держать иглу сложнее. Ты тоже привыкнешь. Хорошо, что у тебя есть я. Я в свое время перебрала всех мастеров и теперь знаю, где изготовить для тебя лучший протез.

– Конечно, привыкнешь! – подхватил вдруг обрадовавшийся Сейфуллах. – Да ты и с одной рукой кого угодно убить можешь. Верно?

Аджухама всегда в первую очередь интересовали собственные дела. Накануне их расставания в Самрии он поверил, что Регарди с ним в одной лодке и непременно убьет главного древнего, личность которого оставалась для Аджухама загадкой. Арлинг же сейчас не был уверен, что убийство одной фигуры, пусть даже могущественной, может повлиять на уже запущенный маховик времени и событий.

– Пока ты тут отдыхал, вернее, поправлялся, я кое-что узнал о согдианском дворе, – гордо произнес Аджухам, решив, что молчание Арлинга означает, конечно, согласие. – На этом корабле плывет вся лояльная императору самрийская знать, одним словом, предатели

моего народа. Но с ними пришлось подружиться. Зато теперь мы кое-что знаем о согдианском дворе. Важно не допустить ошибок и присоединиться к правильной группировке. В любом случае пока ты не заявил о своих правах, нам придется выбирать сторону. Празднование столетнего юбилея Седрика – вот, что по-настоящему всколыхнет Согдарию. Там будет весь свет, в том числе правящие элиты из Агоды. По правде, здесь, на корабле, вся эта история с вулканом, который якобы погребет под собой полмира, кажется очень туманной. Но только она по-настоящему логично объясняет поступки Тигра и «Крепто Репоа». Как бы там ни было, я уверен, что ответы мы найдем на твоей бывшей родине. В том числе, и главного ублюдка, кто все это затеял.

«Бывшая родина» – хоть за это спасибо тебе, Сейфуллах. Спустя много лет их знакомства Аджухам публично признал его своим. Такое от кучеяра редко услышишь.

– Хамна, как думаешь, он за месяц сможет поправиться?

Наемница пробурчала что-то невразумительное, явно придерживаясь политики не вмешиваться в дела Сейфуллаха и Арлинга. Регарди же вспомнил, о чем хотел спросить Аджухама:

– Что ты сказал капитану? Почему он вас выпустил?

– А, ты про это, – улыбнулся Сейфуллах, вспоминая явно приятный момент из прошлого. – Видел бы ты его лицо, когда я рассказал ему, что за важную фигуру он везет в Согдиану. Вся команда ломала голову, кто ты такой. Тебе велели предоставить лучшую каюту, охранять ценой собственной жизни, кормить, заботиться и выказывать всяческое уважение. Имана, конечно, трудно понять. Например, зачем ему понадобилось в таких трудных погодных условиях срочно пересаживаться на другой корабль? Да еще и всех своих людей с собой забирать. Мы с Хамной проверили – на «Золотом шамане» остался лишь экипаж да те пассажиры, которые к «Крепто Репоа» явно отношения не имеют. Керк приставил к тебе двух своих охранников, да их по счастливой случайности смыло в море. В общем, я о чем? На месте имана я бы уведомил капитана, что ты единственный наследник империи, которого император Седрик накануне своего столетнего юбилея затребовал ко двору. Иначе зачем нагнетать атмосферу и ненужное любопытство, заставляя команду прислуживать тебе, как богу? Поэтому я капитану все рассказал, взяв с него слово держать язык за зубами.

– И что именно ты ему рассказал? – спросил Арлинг, не ожидая услышать ничего хорошего. Он понял это хотя бы по тому, как напряглась Хамна. Ее дыхание слышалось громче всех, а сердце билось так громко, что порой он путал его удары с собственным. Наемнице, очевидно, не раз приходилось зашивать и обрабатывать раны, но Регарди чувствовал, что Хамна волновалась.

– Правду и немного лжи, – уверенно заявил Сейфуллах. – Ты ведь действительно последний наследник императора Седрика по линии его сестры. Все остальные мертвы, у них даже официальные могилки по вашим обычаям имеются. Дальше я немного приврал, но делу это не мешает. Я представился твоим сыном, Хамна стала твоей любимой женщиной, а эти, – Аджухам кивнул на учеников Тигра, которые слушали с большим интересом, – твоими любимыми слугами. По легенде ты все это время тайно жил в Самрии, а когда император призвал тебя ко двору, забрал с собой Хамну, меня и всех, кто тебе дорог. Знаю, знаю, ты, конечно, против, но, пожалуйста, не порти мое вранье, пока оно нас только выручало.

– Капитан поверил, – прошептала наемница, замерев с иглой над плечом Арлинга. – Но это просто сказка, небылица, легенда. Она ничего не значит.

Арлинг не знал, что сказать. Аджухам по возрасту мог быть его сыном. Присутствие Хамны и пятерых кучеяров нужно было как-то объяснять. Он и забыл, что отправлялся туда, где хитросплетения интриг и лжи составляли суть всего. Теперь было понятно, отчего так волновалась Хамна. На службе имана Регарди носил самые разные личины – и женатые в том числе. Но женщина в них всегда была выдумана, а сейчас Хамна-Акация стояла рядом.

– Да ты расслабься, – вмешался в его мысли Сейфуллах. – Близкие связи открывают много дверей, будет глупо, если в Согдиане все мы представимся твоими слугами. Хамна и я сможем повсюду тебя сопровождать, а изображать к нам любовь вовсе не требуется. У кучеяров не принято выражать чувства на показ, и многие это знают. Ты же почти кучеяр.

– Но в тебе нет ни капли драганской крови.

– Ерунда, – отмахнулся Аджухам. – Зато с такой легендой легче играть при согдианском дворе. Уверен, многие захотят со мной дружить. Как только мы найдем главного древнего, ты убьешь его, и пусть Согдария попробует выжить в том пожаре, что вспыхнет. Я постараюсь навести в Крепто Репоа и в их планах столько беспорядка, сколько смогу. Потом мы с тобой вернемся в Сикелию, где ты будешь заниматься чем хочешь. В Сикта-Иате осталось полно людей, которые меня поддерживают. Это мой город, и я его себе верну. А ты сможешь открыть там школу боевых искусств. Как тебе такое будущее? Ученики у тебя уже есть.

– Ты забыл про Магду.

– Она же умерла.

– Где Магда? – вдруг вскочил Блай, а следом за ним поднялись другие кучеяры, до этого мирно сидящие у стены. – Магда Фадуна, где она? Ее нужно найти! Где ее искать?

– Тише, тише! – замахал на них руками Сейфуллах. – Ну вот, началось. Стоит произнести ее имя, и у них крыши сносит. Блай, Каюм, принесите горячей воды с камбуза. Арлингу надо обработать рану. А мне – водки. Какой угодно.

Ученики еще какое-то время взволнованно гудели, но потом все пятеро вышли из каюты. Вероятно, соблюдая какую-то договоренность, они ходили по кораблю вместе. Или так их вел черный солукрай, захвативший разум этих людей. У Арлинга был месяц, чтобы убедить имана, что они смогут вернуться к нормальной жизни. Теперь, когда эта самая «нормальная жизнь» превратилась в фантом лично для него, все обещания казались заведомо лживыми.

Ему стоило быть осторожным. Ранение или что другое сделало его рассеянным. Ни Хамне, ни Аджухаму не стоило знать о его истинных замыслах в отношении Магды. Что до учеников, то они были неправы – Фадуну не нужно было искать. Наоборот, Арлингу срочно требовалось выиграть время, потому что он знал: она сама найдет его, и произойдет это скоро – куда раньше того момента, когда он будет готов.

Хамна заново обработала ему культю и перевязала руку, после чего молча вышла за дверь и стояла там, глотая соленые брызги, пока Сейфуллах пил свою водку и разглагольствовал о политических игроках Согдианы. Учеников отправили в трюм сразу после того, как они принесли воду, потому что приступ, начавшийся с упоминанием Магды, у них не прошел – они постоянно шептали ее имя, отчего Регарди было не по себе.

Допив водку, Аджухам пожелал ему скорее поправляться и поменьше болтать с теми, кто завтра наверняка захочет его навестить и предложить свою дружбу. Впрочем, Сейфуллах обещал быть рядом. В то, что капитан станет молчать о таком важном пассажире, даже Аджухам не верил, а после ухода с корабля имана и его людей многие расслабятся и захотят завести полезные связи. Как понял Арлинг, фрегат вез в столицу тех, кто когда-то покинул родину, однако в силу новых, некомфортных для себя обстоятельств, случившихся в Сикелии, решил попытать счастья вернувшись.

Но ни завтра, ни послезавтра Регарди никто не потревожил. Буря показала свое истинное лицо. «Золотой шаман» мужественно сопротивлялся шторму, команда уже не думала о пассажирах – все спасали свои жизни. Один раз появилась мокрая Хамна, она принесла какой-то еды, которую Регарди не заметил, и рассказала, что корабль потерял оба якоря – они были отданы на съедение морю. Капитан считал, что буря относит фрегат из Аслимского залива на восток, в Плохие Воды. Плотная облачность не позволяла сориентироваться по звездам, а навигационные приборы будто сошли с ума.

Мореходы твердили о дьяволе и желали крови. Мол, выбросить за борт проклятого пассажира – проверенный способ утихомирить разбушевавшуюся стихию. Матросы пробовали напасть на Блая, который был сам виноват, потому что всем болтал о Видящей с одним глазом, но ученики с Сейфуллахом заперлись в трюме, а потом всем стало не до них. Хамна опасалась, что придут за Арлингом, но, похоже, про него будто забыли, что, по ее мнению, тоже было странно. Из всех подозрительных пассажиров слепой Регарди должен был быть самым подозрительным. Но, скорее всего, правда была в том, что бешеная качка уложила даже бывалых мореходов, и половина команды бездействовала, отлеживаясь в кубриках. Те же, кто стоял на ногах, едва могли удержать корабль на плаву – даже офицерский состав болтался на реях, спасая такелаж. А еще «Золотой шаман» на второй день шторма умудрился потерять все шлюпки – и это было самой плохой новостью.

Арлинг не знал, почему ему хотелось прогнать Хамну, но в любом случае у него это не получилось. На следующий день после того, как фрегат покинули иман с Керком, и буря проглотила судно, у него поднялся жар, и Регарди подозревал, что не его раны были тому причиной. В голове мелькали непрошенные образы прошлого, а ремень, которым он привязал себя к койке, давил на ребра, сдирая кожу при каждом ударе моря в борта несчастного фрегата. Как и Блай, он искал Магду, но шторм отогнал Фадуну-Салуаддин, которая, кажется, потеряла его, и от этого Регарди чувствовал себя по-настоящему больным.

Последовав его примеру, Хамна тоже привязала себя – к стулу, но, когда судно бросилось на штурм очередной волны, ножки стула оторвались от палубы и какое-то время Регарди слушал, как Акацию швыряет от стенки к стенке, пока ее пальцы не ухватились за его правую ногу. То было последнее, что он почувствовал перед тем, как раствориться в шторме. Всякий раз ему казалось, что со следующим валом «Золотому шаману» точно не справиться, что громадная стена воды сейчас поглотит корабль, но он все еще дышал воздухом.

Океан был черным, как и единственный глаз Магды, который искал его в буре. В глубоких провалах между волнами ветер смолкал, и наступала жуткая, неестественная тишь, которая усиливала ужас перед наступающим валом. У его подножия фрегат вставал едва ли не на дыбы, круто забирая нос, с трудом выбирался наверх, выравнивался, но лишь для того, чтобы провалиться в густую, вязкую пену, в которую превратилось море. Гнетущее небо с низко стелющимися тучами посылало шквалы дождя, капли которого смешивались с морскими брызгами, превращая все вокруг в царство воды.

Арлинга кто-то тряс, но Хамна то была, либо ремень порвался, и теперь Регарди катался по каюте вместе с оторванными от пола стульями – было не разобрать. Слух больше не помогал ему читать мир – в ушах гремела вода. В ноздри било зловоние, и Регарди вспомнил слова Керка о морском дьяволе, в которого начинали верить все, кто оказывался в смертельных объятиях шторма.

Корабль врубился клином в гребень, вспарывая толщу воды, от резкого удара судно легло набок, а затем послышался грохот – мощный, оглушительный, будто рассеклось само небо. Удивительно, но Арлинг еще различил истошный человеческий вопль – «Мачта!» Насколько он помнил, у «Золотого шамана» имелось три мачты, но, похоже, их количество было уже неважно. Фрегат опрокинулся, и через минуты, наполненные хаосом, воздух превратился в воду – мрачную, обжигающую холодом. По меньшей мере, это означало одно – ласковые, теплые прибрежные воды Сикелии, ставшей Арлингу домом почти на двадцать лет, остались в прошлом.

Глава 2. Родные берега

Водой он дышал недолго. Легкие выкашливали влагу, тело корчилось в судорогах, пульсирующих во всех конечностях, кожу царапал мокрый крупный песок, врезавшийся наждачкой в щеку, когда Арлинг без сил повалился на землю, не веря, что жив. Привычка взяла свое. Оттеснив панику, он восстановил дыхание и, как мог, расслабился, чтобы оценить ситуацию и повреждения. Насчет первого, все было ясно. Волны то и дело захлестывали его ноги, пытаясь утащить обратно в море. Арлинг лежал на берегу. Раны остались прежними – морская соль испытывала его терпение, изъедая обрубок руки и поврежденную Керком ладонь. Суставы сгибались, переломов не было, царапины не считались.

Он перевернулся на спину и, широко открыв слепые глаза, уставил их в небо, которое тяжело нависало сверху, казавшись гигантским брюхом неведомого зверя. Прибой то грохотал, то переходил на шепот, а иной раз и вовсе замолкал, едва дыша. Кружили птицы, оглашая мир тоскливыми криками, воздух пах водорослью и мокрым деревом, под небом резвился ветер: разгонял кудлатые тучи, вытягивал из-за облаков редкие солнечные лучи, которые тут же прятались обратно, нырял в неспокойные густые воды, которые принимались гудеть и стонать с новой силой. Шторм стихал, но уходил не спеша.

Наконец, Регарди понял, что его бьют не судороги. Он замерз. Впервые за двадцать лет ему было по-настоящему холодно. Мокрая одежда облепила тело, не позволяя согреться, но пальцы раненой руки сгибались с трудом, и попытка содрать с себя рубашку не удалась. Потом подключился разум, и Регарди решил, что с одеждой или без – он в любом случае замерзнет. Нужно было искать укрытие от ветра.

– Вон еще один, на живого похож! – голос резко ворвался в голову, оторвав Арлинга от самосозерцания и пробудив в нем ученика Тигра Санагора, для которого все незнакомцы считались потенциальными противниками.

Двое брели к нему по берегу, загребая сапогами влажный песок и распространяя вокруг себя зловоние давно немытых тел, которое острое обоняние Регарди, усиленное солукраем, выделило в первую очередь. Драганская речь – чистая, без акцента. Судя по испитым и прокуренным голосам, обоим могло быть как по тридцать, так и по пятьдесят. Исходя из услышанного, Арлинг склонился к первому варианту – опыта у бандитов было маловато, а в том, что к нему направлялись разбойники, сомневаться не приходилось. У каждого болтались за спиной по паре мечей и колчан со стрелами, за пояса заткнуты топоры, а количество ножей, спрятанных в одежде и обуви, было не сосчитать – вряд ли рыбакам понадобилось бы столько вооружения. Один небрежно держал моток веревки, конец которого с шуршанием волочился по песку.

– За мысом слышались еще голоса. Неплохо рабами разживемся. Интересно, чей корабль разбился?

– Да нам-то какая разница, – сплюнул первый. – Этого повяжем, потом остальных глянем. Может, повезет и баб найдем. За них сейчас хорошо платят. Эй, да у него руки нет!

– Дьявол, – выругался второй. – Вот же не повезло на однорукого наткнуться, калеки к несчастью. Давай просто убьем его. Надо к мысу торопиться, пока Черный Генрих нас не опередил.

«Вам не повезло дважды, потому что я еще и слепой», – подумал Арлинг, с удовлетворением отметив, что убить его решили топором, на ближней дистанции. Иметь дело со стрелами сейчас было бы сложнее.

Дождавшись, пока разбойник с топором подойдет ближе, он на миг засомневался, получится ли провернуть Удар богомола на влажном песке и с его ранениями, но низкий рост про-

тивника решил все. Сделав стойку на плечах, Арлинг выбросил вверх ноги и, ухватив щиколотками изумленного драгана за шею, рывком повалил его на берег, убив ударом локтя в висок. Ничего не почувствовал. Тут же перекатился, сделал подсечку второму, добил локтевым ударом по горлу. Раненая ладонь и обрубок запротестовали разными отголосками боли, но дело было сделано. Боль в поврежденных конечностях, пустота в душе – все как всегда. Не прошло и суток с возвращения Арлинга домой, как он снова был окружен трупами.

Родина встречала неласково.

Вскинувшись на незнакомый звук, он не сразу сообразил, что кричала птица. Лишь море звучало привычно. Где-то далеко волны гладили теплый песок Сикелии, хоть они остались прежними. Незнакомый ландшафт ощущался враждебно, настораживая запахами и звуками. Будет нелегко. Арлинг здесь родился, но тот новый человек, который появился благодаря трудам имана, не был приспособлен к этому миру. Ему придется заново изучить окружающий мир, из которого он хорошо знал только людей – эти тоже везде оставались одинаковыми.

Снять одежду с трупа оказалось настоящим вызовом, и Регарди ограничился только курткой. Одно дело – убивать, для этого «искусства» было достаточно ног, а вот как без одной руки и с раненой ладонью другой стащить с мертвеца сапоги – с этой задачей Арлинг не справился. Так и отправился по берегу босиком, потому что его собственные сапоги забрал океан.

Понимание пришло неожиданно: какая-то его часть умерла навсегда – там, в пустыне. Арлинг впервые за двадцать лет оказался на родине, где-то за мысом, к которому он направился, находились выжившие, и не обязательно среди них окажутся его немногие близкие, но сердце Регарди билось спокойно, а единственной терзавшей его мыслью стало сомнение – как всегда в себе. Может, правильнее было послушаться имана и уйти за Гургаранские горы вместе с Магдой? Черный солукрай непредсказуем, но то, что случилось с Фадуной в песках, было куда хуже ее болезни. Вдруг они справились бы сами? Он же подверг ее страданиям, пустившись в трудный переход по сикелийским пескам, результатом которого стало то, что он никак не мог осмыслить. Магда Фадуна превратилась в Салуаддин, заняв тело древней сколопендры, выросшей до невероятных размеров и поклявшейся найти его – чтобы съесть. Все это не укладывалось у него в голове. Впрочем, как и Нехебкай, который подозрительно молчал и которого хотелось обвинить буквально во всем.

– Я здесь, просто не высовываюсь, – охотно отозвался Индиговый, молчавший все дни, пока бушевала буря. – Надо сказать тебе кое-что важное, вот и выбираю момент, когда ты будешь готов.

Арлинг только рукой махнул, так как не ожидал от Нехебкай ничего иного.

– И я о том же, – радостно произнес Древний, очевидно приняв его жест за знак примирения. – Сначала обнимись с друзьями, потом поговорим. Они там, за холмом.

На миг Регарди подумал, что Индиговый ошибся, и это другие люди выжили в кораблекрушении. Жизнь предпочитала оставлять его в одиночестве. Но Нехебкай оказался прав, хотя Арлинг и без него понял, кто кричал. Голосила Хамна, которая стояла по пояс в воде, качалась под ударами волн и звала Арлинга по имени, обращаясь почему-то к морю. На ее месте Регарди сначала поискал бы на берегу, а потом уже проклинал утопленников. Потому что Хамна его именно проклинала.

– Линялая шкура старой гадюки, дрянь! Слепой выродок! Найду твое мерзкое белое тело и откручу башку, а потом вырву сердце одной рукой! Чтоб ты сдох еще раз!

– Ого! – протянул Нехебкая. – Почему-то мне кажется, это про тебя.

– А вот и ты, – приветствовал Арлинга Сейфуллах, сидящий на берегу с поджатыми под себя ногами. Он сказал что-то еще, но Регарди не различил – так сильно Аджухама колотило от холода. Сейфуллах набросил себе на плечи пучок сухих водорослей, выброшенных штормом, но дары моря согревали плохо. Арлинг едва заметно выдохнул – Аджухам был жив. И ученики

имана тоже. Все пятеро бродили по берегу и перебирали морской мусор в поисках, чем бы согреться. Не иначе как Сейфуллах всех отправил.

– Тебя не утопишь, я так ей и сказал, – клацая зубами, произнес кучеяр и кивнул в сторону Хамны. – Она уже все тут обегала. Мы на полуострове, вглубь материка пока не совались. А ты откуда явился? Хамна и парни точно в той стороне все осмотрели. Когда людей покидает надежда, остается вера. Слыхал о такой примете? Надо поругать утопленника, и тогда море его отпустит. Я поспорил, что это другое море, и наши обычаи здесь не работают, но, похоже, примета сработала. Можешь сказать Хамне спасибо, она сама не своя.

– Вы живы? – хрипло и невпопад произнес Арлинг, пытаясь справиться с бурлившими чувствами. Шансов, что выживут все семеро, почти не было. Он так долго оберегал Сейфуллаха, будучи халруджи, что благополучие кучеяра врезалось в его сердце навсегда. Ученики имана появились в его жизни недавно, но прочно заняли в ней свое место. Они были поражены темным солукраем и приговорены к смерти учителем, став для Арлинга вызовом, который он бросил Тигру Санагору. К ним Регарди привязался, а вот что он чувствовал к Хамне, которая решительно направлялась к берегу, наконец его заметив, Арлинг не знал. Клятва халруджи, которую дала ему Хамна, до сих пор была неожиданностью. Регарди так и не смог привыкнуть, что его бывшая противница теперь готова отдать за него жизнь.

– В трюме были доски и парусина, мы знали, что рано или поздно корабль пойдет ко дну, поэтому успели смастерить подобие плота, – рассказал Сейфуллах. – Но выжили мы чудом, я таких волн еще не видел. Да и не в них дело. Думал, что превращусь в мороженое уже там, в воде. Кстати, не мы одни оказались везунчиками, и это хорошо. Вон там сидит Жуль. Хороший парень, мы с ним еще на борту познакомились. Какая-то там у него ученая степень, теперь вот горюет по своим тетрадкам, что море забрало. Я представляю, какая беда должна быть у «Крепто Репоа». Потеряли столь ценный груз – свое чудовище. Мне тоже обидно. Мы так старались с этим чучелом, столько трудились, обманули, в конце концов, этих сволочей, и все для того, чтобы скормить фаршированную козлами оболочку морю?

Выудив из монолога Сейфуллаха самое на этот момент важное, Арлинг обратил внимание на сидящего поодаль человека, который их слышал, но был настолько шокирован, что продолжал сидеть на песке сломанной куклой. На его босые ноги то и дело накатывала волна, но человек ее будто не замечал. От всех одинаково пахло водорослями, морем и отчаянием, и Регарди не сумел с первого раза определить его национальность.

Тем более что в следующую секунду его сгребла в охапку Хамна, подбежавшая с одной стороны, и Блай, а потом и остальные ученики – с другой. Арлинг не любил, когда люди сокращали с ним дистанцию, а тем более касались его, но случай был необычный, и он напрягся, не зная, как поступить. Наверное, нужно было обнять всех в ответ. Сердце радостно стукнуло, ощутив пусть и замерзшие но живые тела тех, кто сейчас, наверное, составлял его семью. Однако Регарди ничего не сделал, продолжив стоять истуканом. Хамна почувствовала его напряжение первой и резко отпрянула, после чего разогнала учеников. Неловко стало всем, Арлинг же впервые обрадовался голосу Нехебкая, прозвучавшему у него в голове.

– Этого Жуля здесь быть не должно! – неожиданно заявил Индиговый, и Регарди с удовольствием позволил себя отвлечь.

– Я сейчас, – перебил он открывшую было рот Хамну и торопливым шагом направился к прибою, туда, где волны грохотали так, что неслышно было даже собственного дыхания.

– Если хочешь сказать, говори, – приказал он Нехебкаю, чувствуя на себе недоуменные взгляды товарищей. Как было им объяснить, что его зачерствевшая душа моменты радости выносить не способна. Наверное, поэтому они с Магдой были обречены. Жизнь на острие, выживание на грани – к этому Арлинг был приспособлен. Что касалось людей и отношений с ними – здесь Регарди предпочитал держаться в стороне.

– Хамна поймала рыбу, говорит, что только для тебя! – крикнул ему вслед Аджухам. – Скажи ей, что я тоже хочу есть. Пусть поделится.

Арлинг неопределенно махнул рукой и зашел в воду по колено, борясь с предчувствием. Прав был иман – чем дольше он оставался с Нехебкаем, тем лучше чувствовал его. И Регарди это совсем не нравилось. Сейчас он почти с уверенностью мог сказать – тайны на том берегу не остались. Они приплыли вместе с ним домой, и Индиговый собирался ему одну из них поведать.

– Я хочу, чтобы ты оставил меня, – сказал он Индиговому шепотом. Не то чтобы Арлинг переживал за свою репутацию, разговаривая сам с собой, просто, чем тише он обращался к Нехебкаю, тем внимательнее тот его слушал. – Я тебя не держу, проваливай куда хочешь. И в кого хочешь.

– Исключено, – тут же отозвался змей. – Нам на самом деле надо поговорить, но как-то невежливо перед ребятами. Давай поедим, а потом в спокойной обстановке все обсудим.

– Да нечего тут обсуждать! – рявкнул на него Регарди, каким-то образом перекричав шум волн. Сейфуллах с Хамной, спорившие из-за рыбы, тут же притихли, а Жуль окончательно пришел в себя и пересел подальше от Арлинга и моря – к Блаю, который только казался безопасным. Кучеяр что-то чертил палочкой на песке, и Арлинг мог только догадываться, что там сейчас появляется имя той, которая сейчас снова становилась для него запретной темой.

– Надо пройтись, – бросил он настороженной Хамне. – Я недалеко. Отдай ему рыбу.

Его халруджи, конечно, не понравилось, что Арлинг собирался бродить в одиночку по незнакомому берегу, но она уже хорошо его знала – Регарди все равно уйдет. Отдав рыбу Сейфуллаху, который побежал с ней к Жулю и Блаю, Хамна забралась на один из валунов, где замерла, словно коршун, высматривающий добычу. Арлинг скрываться от нее не собирался. Здесь, на родной земле, он чувствовал себя еще большим чужаком и калекой, чем в те далекие времена, когда судьба выбросила его в жаркие пески Сикелии. Ему было холодно, болела культя и раненная Керком ладонь, в животе урчало от голода, но с Нехебкаем надо было разобраться немедленно.

– Говори! – велел он, когда отошел на расстояние, откуда было сложно услышать его вопли – а в том, что они будут, Арлинг не сомневался.

– В общем, дело в твоей руке, – без обиняков начал Нехебкай. – А еще в том парне, который выжил. В Жуле.

– При чем тут он? – спросил Арлинг, нервно прислушиваясь. На этом берегу ему не нравилось все, но особенно звуки, источники которых открывались ему не сразу. Это шелестели босые ноги, ступающие по сыпучей гальке, или просто ветер дурил, разбрасывая листву с деревьев?

Регарди казалось, что из вечного лета они попали сразу в позднюю осень. Холод пронизывал до костей, однако сейчас и середина самого жаркого согдарийского сезона показалась бы лютой зимой. Даже по ночам в пустыне Арлинг так не мерз. Хотя, может, все дело было в его ранах и дурном предчувствии, которое усиливалось по мере того, как Нехебкай мялся, не решаясь приступить к сути разговора, который, судя по всему, готовил давно.

– Жуля надо убить, – решительно заявил Индиговый, где-то растерявший свое человеколюбие. – Иначе у нас будут проблемы. Давай отведем его в сторону и утопим в море. Нужно обязательно отдать его тело воде. И чем раньше, тем лучше.

– С кем у нас будут проблемы? – уточнил Арлинг, прислушиваясь. – С ними?

С той стороны, где кралось над горизонтом низко стелющееся холодное солнце, к ним направлялись пятеро всадников. Еще трое остановились на холме, сторожа группу людей, брящающих цепями. Вот с людьми Арлинг никогда не ошибался. Если это бандиты, они будут вести себя одинаково – что в жарких странах, что в холодных. Рабов тоже отличить было нетрудно. От них воняло, их кандалы гремели, в их движениях сквозили страх и отчаяние.

Хамна уже заметила незнакомцев и, подозвав учеников имана, держала с ними совет. Арлинга не звали, и он решил, что на сегодня с него хватит трупов. Сами справятся.

– Выкладывай, – потеряв терпение, велел он капризному богу.

– Помни, что мы с тобой на одной стороне, и цель у нас общая, – издалека начал Нехебкай, взбесив Арлинга уже первыми словами. В последнее время подобные фразы Регарди слышал слишком часто.

Уловив, что нервы Арлинга на пределе, Нехебкай заторопился.

– Одолеть Седрика в таком состоянии духа и в столь потрёпанном теле ты не сможешь. Император и смотреть на тебя не станет, в этом иман прав. Ты ведь не знаешь, что именно потребуется, а значит, нужно быть готовым ко всему. Вот ты меня прогоняешь, а я не могу уйти, ты меня держишь. Хотя верю, что сам не знаешь как. И с императором так же будет. Я к чему? Тебе нужны две руки, две ноги, голова. Спокойствие, уверенность. Вера в победу.

– Допустим, в победу я верю, что дальше?

– Хорошо, что ты не один, потому что выход я уже нашел. Вернее, я знаю, где отыскать тебе руку.

– Если ты о протезе, то я лучше обращусь к мастерам Хамны. И ты не объяснил, почему мы должны утопить Жуля в море.

Тем временем группа всадников, соблазненная явно безоружным видом людей на берегу, решительно направилась к наемнице и четырем ученикам, которые не спеша шли им навстречу. Блай остался с Сейфуллахом и Жулем, которого так невзлюбил Нехебкай. Они развели костер и возились с рыбой. Новенький парень откровенно не понимал, почему Аджухам такой спокойный перед лицом явно надвигающейся угрозы. А еще он бросал недоуменные взгляды в сторону Регарди, потому что человек без руки, который разговаривает сам с собой, стоя по колено в воде, должен внушать опасения.

– Такова цена сделки со Стормом, – признался Нехебкай. – Ты его не знаешь, он из сагуро. Сторм один из немногих, память о котором нам не удалось искоренить, и к счастью, как оказалось. Иначе просить помощи было бы не у кого. Мы с ним договорились, что он покажет дорогу к Тысячерукой, в обмен же получит все души с «Золотого шамана» за исключением восьмерых человек. Тебя, пятерых недоумков, женщины и молодого Аджухама, который, признаюсь, нравится мне больше всех из вашей компании. Некоего Жуля в списке не было. Знаешь, сагуро, конечно, заслуживают того, чтобы их обманывали, но не в нашей ситуации. Если Сторм разозлится, то до Согдианы мы можем и не дойти, и даром что будем ползти по суше. Он нас везде достанет. Тем более что на носу его время года.

– Ты понимаешь, что я ничего не понимаю?

– А что тут понимать? Сторм свою часть сделки выполнил, Тысячелетняя живет где-то в Больших Камнях в районе Алиньских гор, а судя по тому, что видят мои глаза, нас окружают горные цепи, и на Гургаран они не похожи.

– Что за ерунду ты несешь? Какие глаза? – вспылил Арлинг.

– Ты бы лучше спросил, кто такие сагуро, – фыркнул Нехебкай. – С древнего языка это слово переводится, как «новый». Мы – старые боги, они – новые. Эти сагуро родились вместе с вами, людьми. Когда мы проснулись, то быстро осознали их зловредную сущность, поэтому постарались предать сагуро забвению как можно скорее. Это было единственное, где мы совпали с Седриком и Тигром. Поэтому в разных уголках мира мы распространили фальшивых богов типа Амирона или Семерицы. А так как по натуре все сагуро родились злобными и самовлюбленными, то у них было мало шансов покорить ваши человеческие сердца. Большинство сгинуло в небытие, как мы и хотели, но потом у древних появились свои проблемы, например, Тигр понял, что я тоже пережил катастрофу, и о сагуро мы забыли. Сейчас я этому только рад, потому что некоторым удалось выжить. Моряки вообще народ суеверный, они верят во что угодно, лишь бы не потонуть. Сторм, Бог Северного Ветра, в мои владения не показывался, но

в Плохих Водах я о нем периодически слышал. Мне повезло, что он тогда заглянул в Аслимский залив. Вот мы и договорились. Так что, как только твои люди закончат с бандитами, надо Жуля выбросить в море. Я слаб, а Сторм силен. Про обман он узнает в любом случае.

Арлинг был только рад отвлечься на побоище, которое развернулось на побережье. Наверное, то был Черный Генрих, конкурент тех двоих, которым не повезло встретить однорукого слепого калеку. Ученики имана уже завладели мечами и топорами, одолев двоих всадников, и теперь рубились с оставшимися наемниками, Хамна же направлялась к солдатам, которые остались на холме. Драганы недолго пребывали в недоумении, приняв единственно верное решение – пустились наутек. Арлинг бы тоже так поступил, ведь подельники бандитов, которые спустились за новыми жертвами на побережье, были уже мертвы. Оставшиеся разбойники явно не ожидали, что их станут преследовать, Хамна же хотела скорее зачистить территорию, которую собиралась осваивать.

Регарди предпочел бы сейчас быть рядом с кучеяркой, чем слушать откровения древнего бога о том, как он избавился от конкурентов в новом мире. После всего, что произошло, а особенно после того, как Магда превратилась в чудовище, причин не верить Нехебкаю у него не было. Его голова, впитавшая столько небылиц, уже могла воспринять любую нелепицу. Другой вопрос – что с этим новым знанием было делать?

– Я с твоим Стормом не договаривался, – принял решение Регарди. – Сделку заключили с тобой, я тут ни при чем.

– Одно целое, брат, – пропел Индиговый, дыхнув на него жарким сикелийским зноем. – Салуаддин, которую так любезно сдерживает для нас твоя Магда, быстро определила, как меня найти. Можешь не сомневаться, Сторм тоже придет разбираться именно с тобой. Сбросит с утеса, например.

– Я уже убил двоих, пусть он их вместо Жуля заберет, – отозвался Арлинг, которому на самом деле было плевать на Жуля, но Сторм заведомо раздражал его еще больше. К тому же кое-какой опыт общения с Нехебкаем у него уже имелся. И свой урок Арлинг из него извлек: никакого доверия Индиговому. А вот упоминание некой Тысячерукой его заинтересовало. Кажется, Арлинг начинал терять рассудок, раз так охотно цеплялся за любой вымысел.

– Давай о другой, – перебил он Нехебкая. – Она тоже из этих ваших сагуро?

– Во-первых, не из наших, а из ваших, – фыркнул змей. – А во-вторых, зря ты так от Сторма отмахиваешься. Ладно, будем надеяться, что этот Жуль сам помрет. Дохлый он на вид какой-то. Я о Богине Тысячи Рук еще в Самрии подумал. Сразу понял, что нам к ней дорога. Она кровожадная сестра войны, таких предать забвению невозможно, люди всегда кого-то убивают, в любой части мира, где бы не расселились. Слышал, что ее изгнали куда-то на восток Согдарии, где и населения то почти нет. В Сторме я не сомневаюсь, у него не было причин нас обманывать. Сагуро давно хотели наладить с древними связь, вот я им и дал шанс. Знать бы еще, что имеется в виду под Большими Камнями. Тут куда взгляд ни брось, повсюду огромные валуны, будто их друг на дружку от скуки набросали.

– О каких глазах, и о каком взгляде ты постоянно болтаешь? – не выдержал Арлинг. – Я слепой!

– А я все-таки бог, не забывай, – гордо ответил Нехебкай. – У меня свои секреты. Большие Камни звучит, конечно, хорошо, но нам бы определиться, куда именно идти. Жуль мог стать отличным поводом уточнить дорогу у Сторма. А так этот сагуро и разговаривать с нами не будет. Ведь должен был здесь давно крутиться, а его нет. Подевался куда-то.

– Ну и отлично, – хлопнул в ладони Арлинг и направился к стоянке. Не то чтобы он проигнорировал угрозу, но предпочитал разбираться с проблемами, которые уже дышали в лицо, а не мреяли на горизонте.

– Неправильный подход, – недовольно отозвался Индиговый. – Предотвращать лучше, чем потом разгребать всякое дерьмо. Тем более с одной рукой.

– Вот найдем мы эту Тысячерукую, что дальше?

– Будем договариваться, – вздохнул Нехебкай. – И надеяться, что со Стормом она не дружит. Впрочем, я уверен, что ты одумаешься и все-таки Жуля утопишь.

Сейфуллах, Жуль и ученики имана занимались тем, что стаскивали с мертвых бандитов одежду, когда вернулась Хамна. Регарди поморщился, так как понял, что рабов она привела с собой. Людей на этом диком побережье становилось многовато. В отличие от Арлинга, который сейчас не хотел никаких новых встреч и знакомств, Аджухам с компанией новеньким обрадовались, побежав им навстречу. Хамна же направилась к Регарди, который и не пытался скрывать свое дурное настроение.

Ветер дул с берега, и Арлинг посчитал это хорошим знаком. Пусть Сторм занимается чем он там занимается, ему и одной божественной сущности хватало.

Там, в южных землях, Арлинг умел безошибочно различать все лики далекой колонии, находить караванные тропы в пустынях Холустая или Карах-Антара, следы горных козлов на каменистых насыпях Восточного Такыра, колодцы, источники и оазисы – без карт и проводников. Он знал, где можно пройти, а где лучше повернуть назад. Иман натренировал его выживать там, где жизни не было, но здесь, на этом проклятом холодном берегу, Регарди чувствовал себя по-настоящему беспомощным. Он слышал море, свист ветра, шорох гальки под ногами людей, крики незнакомых птиц, ощущал вдали те самые валуны и даже горы, которые окружали побережье и о которых твердил Нехебкай. Но эти звуки и запахи были чужими, они сливались в его голове в какофонию, то оттягивая его внимание по отдельности, то смешиваясь в ужасающий хор, которые путал и сбивал с толку. Арлинг родился и вырос не здесь, а далеко на западе, о местных землях он мог слышать в лучшем случае на уроках географии, о чем благополучно забыл, еще когда смотрел на мир глазами.

Оттого ощущение беспомощности и злости на себя лишь нарастало. Нельзя было вычеркивать Согдарию из своей жизни так надолго. Она сейчас платила ему той же монетой – вычеркнула его из себя. Ему придется проходить всю школу выживания заново, а с одной рукой миссия представлялась невозможной. А еще эта компания незнакомцев… Он не помнил момент, когда стал чураться новых людей. Возможно, давали о себе знать издержки профессии.

– Все они из местного поселка, который неподалеку, – сказала Хамна, махнув в сторону людей, уже рассевшихся у костра. Одеты они были не лучше тех, кто потерпел кораблекрушение. Разбойников раздели полностью, но теплой одежды не хватало. Шестеро новеньких клацали зубами и протягивали к огню руки, робко отвечая на вопросы бойкого Аджухама. Сейфуллах еще недавно красноречиво описывал, с каким наслаждением будет наблюдать разруху и упадок в Согдарии, но с драганами общался на удивление тепло и радушно. Он даже уступил одной девице теплую куртку, которую снял с бандита.

От костра тянуло дымом, Сейфуллах изливался непонятным воодушевлением, в голосах бывших пленных сквозила надежда, Арлинг же изо всех сил старался не сорваться на свою халруджи, так как она точно была не виновата в его проблемах с новыми и старыми богами. И это Регарди еще не полностью осознал, что косвенно был виновен в смерти почти трехсот человек, плывущих на «Золотом шамане». Чувство вины у наемных убийц просыпается редко, но, если это случается, последствия бывают необратимыми в первую очередь для самого убийцы.

– Армия ушла на запад к Баракату, – продолжила Хамна, – в этих краях сейчас царит анархия. Вольный, это ближайшее поселение отсюда, еще лоялен императору, но в городе поговаривают, что власти сдадут его арваксам, когда те возьмут соседний Баракат. Военных здесь почти не осталось, большинство ушло с армией, остальные сбиваются в отряды разбойников, которые грабят дилижансы. Те шестеро, что сидят у костра, направлялись в Агрид, куда едут многие, так как город хорошо укреплен и сохранил войско, но по дороге на людей напал Черный Генрих, местный работорговец, который держит в страхе всю округу. Рабов продает арваксам либо в Сикелию на рудники Иштувэга.

Арлинг заставил себя успокоиться и кивнуть Хамне. Он не помнил ни одного города, что она назвала. Да вряд ли когда-либо и знал, ведь география жизни молодого Арлинга Регарди ограничивалась столицей и родовыми поместьями. Восточные земли Согдарии казались чем-то настолько далекими, что о них легче было просто не думать. Раньше все обитаемые районы заканчивались в Мастаршильде, в деревне, где родилась его Магда. Все, что лежало восточнее, утопало во мраке. Где еще, как ни в этих местах, могла сохраниться вера в загадочных сагуро?

Нехебкай посеял зерно надежды всего пару минут назад, но за этот короткий миг Арлинг поверил в него настолько, что сумел вырастить дерево. Богиня Тысячи Рук – звучало многообещающе. К запахам и звукам нового мира он рано или поздно привыкнет, но не все враги, что ждали его на пути к императору, окажутся такими же беспомощными, как те бандиты-работорговцы, которые встретили его на побережье. Впереди был Керк, а еще – иман, чувства к которому бурлили в Арлинге, будто море, потревоженное лавой. Чтобы решить эти загадки, ему нужны были обе руки.

– Сейфуллах собирается идти в Вольный? – спросил он у Хамны, зная, что она уже переговорила с Аджухамом.

– А ты разве нет? – растерянно спросила она.

– Я догоню его позже. Как, по-твоему, какие из скал, что ты видишь на горизонте, могут называться Большими Камнями?

Хамна все-таки была хорошей халруджи, о чем Арлинг забывал периодически. Не задав ни одного лишнего вопроса, она молча развернулась и ушла к костру, а через пару минут вернулась, волоча за собой растерянного Жуля.

– Этот человек еще на борту рассказывал, что путешествовал по всему миру, а Согдарию вообще вдоль и поперек исходил. Ты слышал о Больших Камнях, Жуль?

Сидящие у костра бросали в их сторону настороженные взгляды, но вмешиваться никто не стал, даже Аджухам. Арлингу это понравилось.

– Ты откуда? – спросил он трясущегося парня. Регарди отчаянно захотелось положить руки ему на лицо, чтобы узнать, сколько тому лет, но этот жест точно положил бы конец разговорам. А сейчас нужна была любая информация.

– Меня зовут Жуль Горбаруа Посмантон, великая честь говорить с вами, господин э… – парень замялся, Арлинг же подумал, что этот Жуль, наверное, слышал небылицы Сейфуллаха, которые тот сочинял на борту фрегата. А еще он был единственным выжившим из тех, кто должен был «гарантированно» уйти на дно в качестве платы за услугу Сторма. Арлингу сейчас хотелось видеть смысл и тайные знаки во всем, что происходило вокруг. Он как никогда прислушивался к интуиции, и она даже не шептала, а кричала во весь голос: тебе нельзя идти в Вольный вместе с остальными. Море успокаивалось после бури, но Арлинг ему не верил. Шторм, устроенный сагуро, мог погубить корабль, построенный людьми, но причинить вред древней Салуаддин вряд ли сумел бы.

Поняв, что набегающие волны по-прежнему омывали его ступни, Арлинг поспешно вышел из моря, но не мог отделаться от чувства, что опоздал. Во-первых, так можно было отморозить себе как минимум пальцы ног, а во-вторых, его уже заметили. Солнце давно пробилось сквозь тучи, украшая засыпающую воду золотыми разводьями. Сидящие на берегу люди не смогли бы пропустить чудовище, тем более что Салуаддин продолжала расти – Арлинг просто знал это. Гораздо важнее был вопрос: сколько времени ей потребуется, чтобы найти его?

– Я родом из Ерифреи, – прервал его от мрачных мыслей голос Жуля. – Отец служил дипломатом при императорской канцелярии. Я пятый сын, а так как наследник уже имелся, то мне разрешили заниматься чем хочу. Я посвятил свою жизнь птицам. Всем птицам. Бывал почти везде. В Ханство Чагаров только не попал, там война началась. Хотел вот написать книгу о птицах мира, да все мои записи утонули. Придется заново начинать.

Арлинг тяжело вздохнул. Коллекционеров и всяких там исследователей природы он не любил. Тереза Монтеро, она же Тарджа, тоже вот долгое время бабочек изучала. Может, и до сих пор брюшки им булавками прокалывает.

«Почему же ты выжил, Жуль?» – так и хотелось спросить Регарди, но он задал правильный вопрос:

– Ты бывал в этих краях раньше?

– Да, белые казарки обитают только здесь, – уверенно кивнул Жуль. – Простите за нескромный вопрос, а вы правда слепой?

Арлинг вспомнил, что свою повязку на глаза, которая давно стала его маской, он отдал Сторму. Жуль видел его неподвижные зрачки, но не сдержал любопытства. Регарди решил, что парень ему скорее нравится, чем нет. Арлинг почти физически ощущал, что следующим вопросом будет о том, где он потерял руку.

– Я ищу место под названием «Большие Камни». Ты что-нибудь о них слышал?

Жуль было растерялся, потом стал оглядываться.

– Если рядом Вольный, то нас выбросило где-то в районе Кургасного мыса. Чтобы попасть в город, мы спустимся в Золотую Долину, с востока и севера ее окружает Алиньский Хребет. Если не ошибаюсь, то Большой Камень – это самая высокая точка того хребта. Возможно, это оно, то место, что вы ищите.

Жуль указал пальцем куда-то за спину Хамны.

– Но я не уверен, потому что ни разу там не бывал. Простите. Мне туда было не нужно.

Арлингу захотелось съязвить по поводу извинений Жуля, но он сдержался. В конце концов, у него сейчас хотя бы имелся ориентир.

– А, вспомнил! – спохватился парень. – Местные часто ходят к одному шаману, его еще Большекаменным Стариком зовут. У меня тогда палец на ноге воспалился, все советовали к нему сходить, мол, он еще и сильный знахарь, но как-то все само прошло, и я к нему так и не собрался. Говорят, его легко найти, если идти вверх по Черной реке. Она где-то здесь неподалеку в море впадает. Деревья по той тропе лентами и тряпками разными украшены, мимо не пройти.

Арлинг кивнул, надеясь, что жест хотя бы выглядел благодарно. Проще было сказать «спасибо», но в последнее время ему было трудно с такими словами.

Хамна убрала руку с плеча парня, и тот все понял верно – галопом поскакал к костру, где Сейфуллах рассказывал о том, как хорошо все заживут, когда к власти в Согдарии придут правильные люди.

– Я пойду с тобой, – решительно заявила Хамна. Арлинг же еще раз подумал о том, что с халруджи ему повезло. Искать в одиночку Большекаменного Старика, который, конечно, должен был знать о Тысячерукой, в местных дебрях не представлялось возможным. «Меньше значит больше», сказал ему иман на прощание, но сейчас Арлингу нужна была помощь. И первой ниточкой, которая порвалась в его казалось бы нервущихся связях с учителем, стало то, что он это, наконец, признал.

Глава 3. Мороки

Прощание вышло болезненным. Арлинг и не ожидал, что резкие слова Сейфуллаха причинят больше боли, чем его воспалившаяся ладонь. Может, так вышло даже лучше. Если он что-то чувствовал, значит, еще не полностью потерял в себе человека. Почему-то именно здесь, на родине, опасения остаться только убийцей накрыли Арлинг в полную силу. События минувших дней привели к тому, что его посещали странные мысли, которые прежде были ему чужды.

– Я найду тебя в Вольном, – сказал он злому Аджухаму.

– Ты сперва себя найди, – буркнул тот, отворачиваясь. – Мы и сами справимся.

Ученики имана отправлялись вместе с Сейфуллахом и группой освобожденных рабов. Черный солукрай, поселившийся в их разуме в южных землях, здесь, на Севере, расцвел пышным цветом. Арлинг предпочел бы забрать их с собой, но отпускать Аджухама без какой-либо охраны тоже было нельзя. Хамна же наотрез отказалась поменяться с учениками местом. Она шла с Арлингом, и Регарди хоть и не признавался, но был этому рад.

– Ты совсем психом стал, – отреагировал Аджухам, когда Арлинг попытался объяснить ему, что есть возможность вернуть руку. – Нельзя пришить то, что отрезано. Хороший протез в этих горах точно не найдешь.

Нет, протез Арлингу был не нужен. Последние недели в пустынях Сикелии происходили странные, нереальные вещи – там шли дожди и зеленели деревья. В сознание Арлинга поселился древний бог, игнорировать которого не получалось так же, как и Магду, которая стала чудовищем. Вернуть необратимое – в этом сейчас был смысл всей жизни Арлинга. Возможно, поэтому ему было легко поверить в Тысячерукую. Странно, что его больше волновал тот факт, как он станет с ней договариваться, чем то, что она может быть плодом воображения. Его или Нехебкая – уже было неважно. На долю Сейфуллаха выпали свои разочарования, надежды Аджухама хоть и обрушились, но оставили фундамент веры, на основе которого тот сейчас строил новую жизнь. Им с Регарди было трудно понять друг друга, и Арлинг настаивать не стал – ушел молча, убедив себя, что сумасшедшие ученики имана останутся с Сейфуллахом и прикроют того в случае, если что-то пойдет не так. Арлинг старался не думать, что в этих новых старых землях пойти «не так» могло абсолютно все.

Я не задержусь и вернусь быстро, убедил себя Арлинг в очередной лжи.

Первый час пути вдоль бурлящей реки, которую сразу стало слышно, как только они удалились от побережья, Регарди думал только о том, что ему тяжело вовсе не от того, что под ногами шуршит опавшая листва и хрустят ветки, отнимая на себя значительную часть внимания слепого, а потому что на плечи давил груз невыполненных обещаний. Среди них было много чего. Он собирался освободить учеников от темного солукрая и даже нащупал способ их излечения, но бросил начатое при первой же трудности. Когда там, в уже далекой Самрии, Арлинг поклялся иману, что вытащит молодых кучеяров, разве он думал, что будет легко? Легко для Регарди не было никогда, и он знал это. Просто уцепился за обстоятельства, как за удобный предлог.

Учитель. Вот где была основная боль, и вытащить эту занозу, не вырезав значительную часть себя, не представлялось возможным. Мысли прошлого вонзались в голову острым топориком, и Регарди прогнал их, усилием воли сосредоточившись на мире вокруг. Какое-то время он еще слышал Сейфуллаха и его компанию, в которой Аджухам быстро занял роль лидера. Кто бы сомневался. Группа людей отправилась побережьем и двигались они не быстрее, чем Арлинг с Хамной. Кучеяры были ошеломлены штормом и холодом, бывшие рабы еще переживали плен.

Найду этого старика, узнаю у него про Тысячерукую, а потом вернусь к Аджухаму, успокоил себя Арлинг. Однажды халруджи, всегда халруджи. Если появится хоть один шанс вернуть руку с помощью древней богини, Арлинг им воспользуется. Хоть темный солукрай и навредил разуму молодых кучеяров, но на борту фрегата они явно сдружились с Сейфуллахом, выделяя его. До Вольного недалеко, дорога известна и бывшим рабам, и этому Жулю. Хотелось надеяться, что Черный Генрих погиб среди тех бандитов, что попались под руку ученикам имана и Арлингу, но выяснять точно времени не было. Оставалось верить, что в эту часть суши разбойники пока не сунутся.

Когда Арлинг с Хамной перевалили первый хребет, солнце уже клонилось к закату, а шум моря превратился в отдаленный шелест. Буря стихала, но погода не улучшилась. Проклятая осень, в сердцах подумал Регарди, отчаянно пытаясь вспомнить, как он жил в этом мире холодного солнца свои первые шестнадцать лет. А ведь когда-то осень была его любимым временем года. Охота, скачки, шумные вечера в родовом поместье у Мастаршильда – все это было жизнью молодого Регарди, который с тех пор переродился уже не раз. Мешала хрустящая листва под ногами, воздух пах чужими запахами, которые Арлинг старался запоминать, но постоянно сбивался и понимал, что выручить его может только одно – время. Вокруг всегда что-то падало, шуршало, двигалось, и если бы не Хамна, которая, к слову, тоже дергалась на каждый звук, Арлинг не продвинулся бы вперед и на саль. Он все еще думал по-сикелийски. Здесь, в Согдарии, были другие единицы расстояния и меры, но Регарди отчаянно цеплялся за то, что стало родным.

Учитель был прав во многом. Сохранять равновесие без руки стало труднее. Арлинг оступался, спотыкался и клонился в разные стороны, ненавидя себя за слабость. Он уже забыл, когда тренировался в последний раз. Солукрай не терпел отсутствия внимания к себе, и Арлинг чувствовал, что придет час расплаты. Пока что один солукрай и помогал ему держаться за Хамной, которая хотела идти рядом, но, поняв, что Регарди сейчас отправит ее к Сейфуллаху в Вольный, пошла впереди, постоянно оглядываясь и прислушиваясь к его ошибкам.

Одолев хребет и устав от боли в обрубке руки, которая отдавалась в самые неожиданные участки тела, Арлинг подобрал длинную ветку, приспособив ее под посох. Идти стало сподручнее, что до гордости – сейчас было не ее время. Солукрай подсказывал ему поднять ногу здесь, не запнуться о корень там – простые движения, на которые в Сикелии он давно не обращал внимания. С Регарди градом катил пот, от физических усилий разболелась даже голова. А он всего лишь взобрался на гору, преодолев расстояние куда меньшее, чем при обычном переходе в пустыне от одного города к другому. Не прошли бесследно и его «упражнения» на побережье, когда на него напали бандиты. Стойка на плечах, выполненная после длительного отсутствия тренировок, сказалась неприятными ощущениями в шее, которые обещали вырасти в новую боль.

Ко всему сапоги, снятые Хамной с одного из бандитов, успели намозолить ноги, но эту «мелочь» Регарди решил игнорировать. Свои сапоги Хамна сумела сохранить, но после долгого плавания в море подошва оторвалась, и кучеярка уже несколько раз приматывала ее веревкой. Очевидно, что долго сапоги Хамны не проживут.

Еще через час Арлинг начал успокаиваться и вспоминать. В чужих запахах и звуках появлялись знакомые нотки, боль в руке и усталость притупились, став чем-то привычным. Регарди совершенно точно знал, что протянет до полуночи, может, до двух или трех ночи, а потом свалится камнем и поднять его сможет лишь чудо. Например, Магда-Салуаддин.

Холодный воздух пах хвоей – Арлинг вспомнил ее аромат. Однажды иман отвез его в оранжерею своего друга, который собирал растительность со всех частей света. Прекрасные сады богача канули в лету после того, как огромный самум засыпал Балидет песком, но их запахи остались в памяти Регарди навсегда. Нужно было лишь потеснить Нехебкая, который занимал слишком много места в его голове. В тех садах Арлинг испытал первый и последний

приступ тоски по дому, когда иман подвел его к кедру, а потом вручил кедровую шишку, велев подобрать сто слов к ее аромату. Регарди думал до вечера, но слово «дом» в тот список не включил.

Сейчас пахло именно кедром. И звуки в лесу тоже раздавались необычные. Ветер в садах того богача не гулял, северные деревья росли под затемненной стеклянной крышей, где поддерживалась особая атмосфера, поэтому Арлинг не сразу понял, что так звучит воздух, пролетающий сквозь кедровые иголки.

Кедры неизменно сопровождали их всю дорогу, и Регарди сделал их флагманами своих новых ощущений. Черная река гремела между камней, углубляя русло и постепенно прячась в ущелье. Изредка встречались глухие распадки с одиночными тисами, которые сменялись труднопроходимым подлеском из высоких кустов колючей аралии и лещины. Названия всплывали в голове сами, будто их ему подсказывали. Тропа Арлинга и Хамны поднималась, небо гудело ближе, становилось жарче под солнцем и холоднее в тени. Арлинг вдруг вспомнил эту погоду. Перешагнул корень, повинуясь инстинктам, уклонился от колючего кедрача, норовившего пригладить его отросшие волосы, и вдруг ощутил всю мощь прошлого, хлынувшего внезапно, словно прорвало плотину.

В октябре здесь всегда так – непривычно морозные ночи, обманчиво теплые дни. На душе сладко-тоскливо, в плен берет легкая грусть, которую любишь и ждешь. Октябрь – это цвета и краски. Арлинг подобрал опавший лист, но огрубевшие пальцы не смогли прочитать его цвет. Вдоль ущелья, по дну которого гремела Черная речка, росли молодые кедры, но с той стороны, где садилось солнце, наступали вековые лиственные деревья, и не все из них потеряли свой наряд. Ясень с тополем уже облетел, но ветер шелестел кленом и дубом, напоминая о красном и зеленом. Клен будет алеть еще пару недель, дуб же сохранит стойкий зеленый цвет до дневных заморозков, однако даже утратив краску, будет сопротивляться зимним ветрам, гремя во время зимних штормов побуревшей листвой, которая останется до весны. Заходящее солнце должно было украсить все вокруг золотом и пурпуром. Небо же в октябре всегда лазурное, чистое, как его первое настоящее чувство. В таком осеннем лесу Арлинг однажды встретил Магду.

Регарди тряхнул головой, сбрасывая морок прошлого. Мастаршильд лежал впереди, далеко на западе, они же шли совсем по другой земле. Над их головами все еще проносились кудлатые тучи – Арлинг чувствовал их сырость, ощущал холодную тень, когда они закрывали солнце. Небо не имело права быть голубым, оно должно было быть черным, как его мысли. Лес пусть и шуршал кленовым листом, но клен бывал разным. Этот наверняка сморщился и поблек, потеряв краски еще летом. Пахло плесенью и грибами, а чем дальше они отдалялись от побережья, тем назойливее становилась мошка, которой, в отличие от Арлинга, холодно не было. В лесу постоянно падала листва с деревьев, отвлекая его внимание, но встречались и другие звуки, которые к ботанике отношения не имели. Несколько раз Регарди чувствовал взгляд, а так как Хамна тоже замирала, оглядываясь, то он был уверен, что взгляд ему не мерещился.

Еще через какое-то время ни воспоминания, ни боль ему уже не мешали. Арлинг сосредоточился на цели, бросив на нее оставшиеся силы. В том, что они шли верно, сомнений не было. Под ногами шуршала лишь листва, но трава была вытоптана. Этой дорогой ходили много раз, а значит, Жуль не солгал насчет Большекаменного старика. Поняв, что если он перестанет думать о прошлом, то к нему с разговорами обязательно полезет Нехебкай, которого слушать хотелось в последнюю очередь, поэтому Арлинг решил сосредоточиться на Хамне, которая шагала впереди. Погрузившись в себя, он не сразу сообразил, что для кучеярки это место должно было быть настоящим вызовом. Акация не клацала зубами, как Сейфуллах, но Регарди явственно ощущал ее замерзшее тело. Все, что позволила себе наемница, это спрятать пальцы единственной руки в рукаве задубевшей от соли и ветра куртки. Каково ей было смотреть на эти кедры под холодным согдарийским солнцем? С другой стороны, она была етобаркой, а этих

ребят тренировали в куда более суровых условиях, чем даже иман своих учеников на Огненном круге.

Скучала ли Хамна по пескам? Арлинг скучал. Тайга раздражала и удручала. И дело было даже не в том, что ему приходилось прилагать больше усилий ко всему, что стало давно привычным в Сикелии. Он отчаянно цеплялся за свой иллюзорный план спасения Магды, но чем дальше они продвигались вглубь давно забытой родины, тем слабела надежда. Давило хмурое небо, угнетали падающие листья, но сильнее терзал холод, который был частым гостем в ночной пустыне, однако здесь, в Согдарии, он скалил пасть и пронизывал плоть до костей.

Арлинг не заметил, когда стал оступаться. Споткнулся раз, сошел с тропы, вернулся, запнулся о корень. Его шаг замедлился, движения стали рваными. Когда Хамна остановилась, он прислонился к стволу ближайшего дерева, подперев себя с другой стороны посохом. Не верилось, что отсутствие одной руки могло забирать столько сил.

– Отдохнем, – сказала кучеярка, и ее взгляд прожег в нем дыру. Арлинг знал, что если он сейчас ляжет на землю, то сам не встанет. Отчаянно не хватало ясного корня, но его волшебная аптечка осталась там же, где и надежда – в песках Сикелии.

Она хорошо его знала и, прежде чем Арлинг открыл рот, чтобы возразить, ткнула пальцем куда-то вверх:

– Я вижу пещеру, – быстро произнесла Хамна, не давая себя перебить. – Нужно спуститься в долину и снова подняться, идти еще часа три. Думаю, это то, что мы ищем. У входа видны цветные тряпки, может, ленты. Это похоже на жилище шамана. Подъем достаточно крут, нам понадобятся силы. Мы заночуем здесь, а утром поднимемся в пещеру. Хорошие дела ночью не делаются.

Арлинг не знал, почему Хамна его так злила. Возможно, потому, что она сейчас понимала его лучше него самого. Хамна была цельной, Регарди же раздирало на части – и уже давно. Одна его часть верила, что надо спешить, вторая радовалась любому предлогу больше не двигаться никогда. Не зная, как с собой совладать, он поступил неразумно – выплеснул злость на ту, что была рядом.

– Когда я обрету руку, я тебя отпущу. Я не хочу, чтобы ты была моим халруджи.

– А это не тебе решать, – неожиданно огрызнулась Хамна. – Я клятвы не нарушала, поэтому ты не можешь от меня отказаться.

– Искупления ищешь? Нет его здесь, я уже искал.

– Ты меня с собой не сравнивай, – сказала Хамна. – И не путай меня со своей служанкой. Я халруджи. И я не верю, что шаман вернет тебе руку, но я не осуждаю и не обсуждаю твои действия. А ты не осуждай мои.

Затем резко поменяла тему:

– Жди меня, пойду поохочусь.

Как будто он мог ей возразить. Арлинг сошел с тропы и рухнул на подушку из хвои. Что-то творилось с его единственной рукой – пальцы едва сгибались, а вокруг ладони будто обвилась змея, которая непрестанно кусала его в самые нервы. Может, кинжал Керка был отравлен, а может, в Регарди кончался тот самый резерв, который он использовал уже давно. Родина забирала слишком много сил, а он еще толком и не вернулся.

Хамна, наверное, была права. Арлингу было все равно, какое светило освещало тропу – луна или солнце, но беспокоить шамана ночью казалось неправильным. Да и мысль о том, что он будет лежать и не двигаться несколько часов, казалась слишком соблазнительной, чтобы ей сопротивляться. Отходить далеко от тропы Арлинг не стал. Сделал шаг в сторону и упал на ковер из опавших листьев и хвои. Пусть Хамна думает о безопасности, раз она так желает быть его халруджи. Арлинг же не станет думать ни о чем вообще. Разве что о кроне веток, сомкнувшихся над его головой. Он чувствовал сверху настоящий шатер, закрывающий его от неба. С усохших нижних веток свисали безжизненные космы бородатых лишайников. Они

слегка шелестели под слабым дыханием ветра. Здесь, в чаще, покой леса не нарушали ни птичий гомон, ни шум волн, ни порывы, стригущие все вокруг – все это осталось на побережье. Даже звук шагов Хамны глух в подушке лесного мха. Ни один лист и ни одна ветка не хрустнули под ногами наемницы, но Арлинг еще слышал ее дыхание. Она поднималась по склону, туда, где беднее становился лес: кедровый стланик сменил могучие кедры, низкорослые березы вытеснили дубы и ясени.

Регарди задумался, как именно он почувствовал это, но тут его внимание привлек шорох, раздавшийся со стороны тропы, где он стоял еще минуту назад. Ничего особенного, всего лишь пара опавших листьев перекатились на другое место, но желание валяться, спрятавшись под кроной деревьев, исчезло в миг. Подтянув к себе посох, Арлинг встал, уже не обращая внимания на стреляющую боль в ладони. Культя тоже вдруг проснулась, отозвавшись неприятными ощущениями – еще не настоящей болью, но близкими к ней неприятными чувствами. Опустил голову и принялся шевелить веткой-посохом ковер из опавшей хвои, делая вид, что выбирает место помягче. Если за ним сейчас и наблюдали, то делали это очень умело. Регарди не ощущал взглядов, а с ними интуиция его обычно не подводила. Интересно, на кого собралась охотиться в этих дебрях Хамна? Сейчас казалось, что охотятся как раз на них. Все, что было у Арлинга из оружия, это пять ножей, спрятанных в разных местах его неудобной одежды, снятой с разбойников. Море отпустило его лишь в исподнем. Сапоги, куртка, рубашка – все было чужое, хранившее запахи других людей, которые его и раздражали, и сбивали.

Арлинг досчитал до двух тысяч, но ничего не произошло. Хамна не вернулась, источник звука не обнаружился. Он уже сходил на тропу, побродил вперед-назад, прислушался к реке, отдаленно гудевшей на дне ущелье, но, не обнаружив ничего нового, вернулся под импровизированный шатер из веток и лишайника. Согдарийская ночь шептала, однако ее язык ему был незнаком. Добрался ли Сейфуллах до Вольного? Нужно было идти с ним. По крайней мере, в городе можно было раздобыть нормальную одежду. Правда, оставался вопрос, чем за нее платить. Сторм забрал все – и деньги, и жизни. А вот ошибки оставил. И их становилось все больше.

– Пойду за Хамной, – зачем-то сказал он Нехебкаю. – Зря я так с ней.

Индиговый промолчал, интуиция тоже. Где-то над крышей его лесного шатра поднимался месяц, и наверное, это было единственное движение в мире, окружавшем Арлинга. Все будто замерло. Перестали падать листья, космы лишайника не двигались, лес стал глуше. Тишину хотелось рвать зубами. В ноздрях стоял навязчивый запах серы и горячего песка. Обонятельные галлюцинации преследовали его давно и всегда не вовремя.

– Арлинг, – позвал знакомый голос, и напряжение лопнуло, будто струна, натянутая до предела. Он вздрогнул и медленно встал, тщательно контролируя движения. Никакой поспешности, внимание сосредоточено, чувства обострены. Но ничто не помогло объяснить ту, что сейчас стояла на тропе и терпеливо ждала его.

Морок, убедил себя Регарди, отворачиваясь. Она не исчезла. Он мог сколько угодно поворачиваться к ней спиной, но слух и обоняние слепого не подводили, а солукрай совершенно точно передавал образ Магды – с двумя ногами, руками, головой. Его человеческой Магды, которая не стала звать его снова, а не спеша сошла с тропы и побрела совсем в другую сторону от леса… и от Арлинга.

Я не стану этого делать, решил он, прислушиваясь в тишине, в которой звучали лишь шаги Магды, направляющиеся прочь. Однажды он уже позволил ей уйти. Салуаддин поглотила Фадуну, оторвав от Арлинга кусок куда больший, чем когда иман отрубил ему руку. И он по-прежнему не знал, как собрать себя воедино. Разве что последовать за Магдой, зная, что совершает ошибку.

– Я вытащу тебя, – сказал он в пустоту, потому что тишина поглотила и его самого. Арлинг не слышал ни своих шагов, ни стука собственного сердца. Почувствовал лишь, что под

ногами уже не опавшая листва с хвоей, а мелкие камешки, и эти камешки тряслись, потому что содрогалась земля.

Хамна упала на него будто с неба, сбив с ног и прокатившись с ним несколько метров. Вот тогда тишина и разбилась, оглушив Арлинга какофонией из голосов и звуков. Кричали Нехебкай и наемница, причем каждый называл его идиотом; в небесах ревел ветер, который, судя по нарастающему звуку, мчался к ним с бешеной скоростью; мелко тряслись камни, которые прыгали вокруг катящихся по склону людей; мерно гудела Черная река, несущая свои воды на дне ущелья. Вода ждала своего часа и проигравших.

Салуаддин еще вытаскивала жало, вонзившееся глубоко в землю в том месте, где недавно стоял Арлинг. Длинные мясистые усы или что там имелось у твари, которая с его Магдой теперь ничего общего не имела, волочились по тропе, ощупывая каждую травинку. Древнее чудовище не спешило – как и Магда, которую все еще чувствовал Регарди. Вокруг Салуаддин были одни проигравшие, в том числе и Фадуна.

Хамна спасла Арлингу жизнь, оттолкнув его от жала, но изменить неизбежное не могла. Склон под ними осыпался, не давая ни остановиться, ни уцепиться за что-либо. Двое людей катились к обрыву в ущелье.

– Сюда летит Сторм, надо что-то делать! – вклинился в голову Арлинга Нехебкай, умудрившись его позабавить даже в такой ситуации. Из всех очевидных проблем появление древнего бога волновало Регарди в меньшей степени – но не Индигового.

– Он тебя убьет! – паниковал тот, но на самом деле звучало так: и меня с тобой тоже!

В этот момент камни, впивающиеся в бока, разбивающие локти и колени, кончились, и Хамна с Арлингом перешли в свободное падение. Регарди еще умудрился услышать, как где-то наверху заворочалось большое тело – Салуаддин, наконец, выдернула свой шип, после чего его самого сотряс удар, едва не вырвавший последнюю руку из плеча. Раскрытые, ищущие пальцы Арлинга нашли спасение, вцепившись в корень, оголившийся из-за обвала грунта. Куски земли, валуны и мелкие камни полетели в Черную речку, а Регарди повис на вытянутой руке, чувствуя, как все оттенки боли, сосредотачиваются в раненой ладони, на которую пришелся вес двух взрослых тел: Хамна висела на Арлинге, вцепившись в его ремень. Под ними на расстоянии многих салей гремела река, жаждущая тела тех, кто потревожил ее воду. А еще Регарди услышал Салуаддин, которая возилась неподалеку – сбоку внизу, то ли прилипнув к стенке ущелья, то ли отыскав выступ, вместивший ее огромное тело. Сомнений в том, что Салуаддин победила Магду, больше не было. Теперь древнюю тварь заботило только то, как достать добычу, которая манила ее больше всех людей на свете. А выше всех свистел ветер, и Арлингу начала передаваться паника Нехебкая – свист не обещал ничего хорошего.

– Держись, – крикнул Регарди Хамне, чувствуя, что ее пальцы слабеют. – Ты ранена? Забирайся по мне наверх.

Наемница не ответила, но и не шевельнулась. Ее рука с протезом обнимала его за пояс, втыкаясь в бок неподвижными пальцами, вторая держалась за ремень, и Регарди чувствовал, что живые пальцы Хамны слабеют. Причин, почему хорошо подготовленная наемница не может подняться по его телу и затем вытащить их обоих не было, и Арлинг сосредоточился, пытаясь разгадать то, что было от него скрыто. Между тем Салуаддин принялась сползать на дно ущелья, чтобы достать их снизу. Ничего хорошего такие маневры не обещали, но тут Регарди понял, что есть проблема важнее, чем перемещения гигантской сколопендры. Он не мог подтянуться. Очень давно на Огненном Круге Арлинг проделывал подобный трюк не раз – подтягивался и на одной руке, и на нескольких пальцах, в том числе с весом. Под раненой ладонью, пускавшей стрелы боли по его телу, шелушилась засохшая на старом корне земля. Их с Хамной счет шел на секунды.

– Да что с тобой? – не выдержал Регарди. – Поднимайся наверх!

– Ты должен жить, – прошептала наемница, и подозрительные нотки в ее голосе Арлингу совсем не понравились. А потом он услышал шелест и почувствовал рывок. Хамна изо всех сил дернула его вниз, и Регарди не сразу догадался, что кучеярка тут ни при чем. Что-то держало ее за ногу – то ли клешня, то ли вездесущий ус-щупальце древней твари. Длинное узкое тело протянулось от ступни Хамны к громаде живой массы, медленно соскальзывающей в ущелье. Салуаддин каким-то образом цеплялась за стенки обрыва, собираясь увлечь за собой и людей.

Регарди попытался оценить расстояние до грохочущей внизу воды. Если они упадут с такой высоты, шансов у них не будет. К тому же Черная речка была испещрена порогами. Даже если им повезет не сломать себе что-нибудь о воду, они разобьют головы о камни.

– Ты знаешь, что делать, – раздался спокойный голос Нехебкая, и за это спокойствие Арлинг был ему благодарен. – Позови его. Это возможно. Однажды у тебя получилось, все пройдет хорошо и сейчас.

– Да? – огрызнулся Регарди, даже не удивившись тому, что спокойствие Индигового отлетело от него рикошетом. – Ты уже забыл Магду? А как же Хамна?

То, что предлагал Нехебкай, называлось черным солукраем, и, как понимал Арлинг, было беспроигрышным вариантом. Но только не для тех, кто находился рядом. Он не знал, услышала ли его Хамна, так как мир вокруг гремел все громче, но вдруг понял, что она задумала. Наемница собиралась остаться его халруджи до последнего вздоха. А он так и не понял, что именно толкнуло ее на этот странный поступок. Арлинг был по-прежнему уверен: искупления халруджи не находили.

– Она убийца, – отозвался Нехебкай. – Став твоей халруджи, она уже подписала себе приговор. Что до Магды, то ей твой солукрай сейчас точно не навредит. А нас спасет. Эту женщину нужно сбросить. Тем более, что она сама этого хочет. Зачем мешать халруджи исполнять свой долг? Салуаддин какое-то время будет ей занята, мы успеем сбежать.

– Да пошел ты, – процедил Арлинг и все-таки сделал невозможное.

Хамна уже скользила по его ноге, но, когда ее пальцы отпустили ткань, Регарди приказал своей руке стать единым целым с несчастным корнем, который трещал и хрустел, сам же молниеносным движением качнулся вслед за падающей наемницей и схватил ее ногами, зажав голову кучеярки бедрами. Был только один шанс проделать это, не упустив наемницу и не свернув ей шею. Он и сам не был уверен, что у него получится. Когда же почувствовал, как она вцепилась в него, пытаясь освободиться, сделал то, что задумал: сжал бедра и слегка придушил, предупреждая.

– Я тебя не отпускал, – прошипел он, чувствуя, как Салуаддин усиливает нажим. А потом в пальцах Хамны щелкнул клинок, выскакивая из скрытых ножен, и холодное лезвие коснулось его ноги. Кто бы сомневался, что эта сумасшедшая таскала в протезе целый арсенал оружия?

– Сейчас я подтянусь и вытащу нас обоих, – прошептал себе Арлинг, – и ничто мне не помешает. Просто сделаю это.

Там, в Сикелии, его заклятие на самого себя, возможно, и сработало бы. Но с этой землей он порвал все связи по собственному желанию, став для нее чужаком. И правила игры были ему незнакомы. Пока.

Сверху приближалось нечто, и это была не Салуаддин. Северный ветер свиреп, а когда он в ярости, шанса ни у кого нет. Под дыхание Сторма попали кедры, березы, случайные валуны, лишайники и побуревшая трава. Все это полетело в ущелье, а вместе с ними и грунт, который, не выдержав столь бурного натиска, принялся сползать к реке вместе с остальным миром, попавшими под немилость Сторма.

Арлинг так и не узнал, воткнула бы в него Хамна кинжал, чтобы он отпустил ее. Не узнал он и предела своей прочности. Рука, пусть и раненая, еще его слушалась – она по-прежнему крепко держала корень, и даже боль удалось спрятать куда-то за Нехебкая. Зато не выдержал кусок породы, из которой торчал злополучный корень с вцепившимися в него людьми. Сам

корень давно оторвался от своего основания, и теперь пласт земли скользил отвесно вниз, увлекая за собой Арлинга с Хамной.

– Лучше бы ты выбрал черный солукрай, – равнодушно отозвался Нехебкай в тот момент, когда Регарди летел, не ощущая веса своего тела.

Мир сотрясался. Где-то высоко продолжали отрываться куски скал, и, скорее всего, пещеры, куда они собирались подняться утром, больше не осталось. Не тому богу молился шаман. Сторм ревел и метался по ущелью, но в воздухе летали камни, деревья и куски земли, среди которых отыскать тела двух человек, было сложно даже ветру.

Наверное, родина все-таки помнила Арлинга, потому что решила свести с ним счеты не здесь. Он потерял Хамну в тот момент, когда скольжение грунта кончилось, уступив место свободному падению. Высота сократилась, но Регарди не был уверен, что доживет до утра. Он почувствовал приближение воды за пару секунд, сгруппировался, но все равно ударился боком, потеряв разом дыхание и едва не лишившись сознания. Несколько мгновений его тело хаотично кувыркалось в потоке, пока вода не решила его выплюнуть. Черной реке он не понравился, и Арлинга понесло прочь от все еще падающих кедров и рыщущего между ними Сторма.

А еще он услышал звук, который было сложно перепутать. Так огромный кусок скалы врезается в очень большой кусок мяса. Тело Салуаддин тоже попало под мясорубку и ухнуло в реку. Поднявшаяся волна подхватила Арлинга и перекатила через буруны, преодолеть которых у него не было шанса. Магда помогла ему снова. Древнее чудовище нельзя было убить камнем, но отсрочка у Регарди появилась: Салуаддин временно выбыла из строя.

Та ночь была щедра на роковые встречи и на удачу. Отчаянно колошматя рукой по воде, Арлинг совершенно случайно попал в тело Хамны, которое кувыркалось рядом. Вцепившись ей в волосы, Регарди принялся сражаться с рекой за жизнь – свою и женщины, которая когда-то захотела стать его халруджи. Вода побеждала. Согдария отчаянно пыталась поставить его перед выбором, но Арлинг делать его не желал. Плыть с помощью только ног в бурной реке не получалось, течение крутило, вертело, топило. Врезавшись плечом целой руки в подводный валун, Регарди задохнулся, понял, что потерял Хамну, а сам уже давно не чувствует воздуха. Только злая вода вокруг, обещавшая верную смерть, если не…

– Чего тянешь? – кричал вдалеке Нехебкай. Он хотел жить, хотел черного солукрая. Индиговый верил, что Арлинг победит стихию, ведь даже богам нужно было во что-то верить. И их молитвы тоже часто оказывались без ответа. В пальцы Регарди вцепилась рука, он крепко сжал ее и понял, что его тянут наверх. Теперь у них с Хамной было поровну целых конечностей – у него правая, у нее левая. В мокрое лицо ударили крупные брызги, и Арлинг понял, что уже на поверхности – кашляет, но дышит. Не будет черного солукрая. Не сегодня. И хотелось бы, чтобы никогда. Цена, отданная за него, была слишком высока. Она плыла где-то сзади огромной тушей древнего чудовища, и это был тот случай, когда невозможное оставалось невозможным. Арлинг убегал от Магды, не веря, что творит.

– Это бревно, держись за него! – кричала Хамна, подталкивая его руку к шершавому стволу. Она навалилась на Регарди сверху, прижав его к мокрой древесине, которая вонзилась ему в грудь всеми мыслимыми занозами. Хамна отчаянно хотела, чтобы Арлинг выжил. Сложно было сопротивляться такому напору. Он перехватил ее руку и подтянул к бревну, освобождая место. Если спасаться, то двоим. Злая вода объяснила ему, почему Хамна теперь так важна. Она была частью его настоящего дома, оставшегося не только географически безумно далеко от этой реки и ущелья, но и в прошлом, потому что того места больше не существовало. Такие частички себя дорогого стоили.

Какое-то время мир был заполнен только грохотом воды, но вот течение стало тише, исчезли буруны и перекаты, и Арлинг с Хамной повисли на бревне, уже не заботясь о том, что их перевернет. Борьба с рекой уступила место другому сражению: вода оказалась ледяной. Когда их перестали пытаться утопить, то решили заморозить.

– Туда, – скомандовала Хамна, лязгая зубами. Потом решила, что Арлинг ее не понял, и уточнила:

– Налево, там вижу берег.

Арлинг понял ее с первых слов, потому что солукрай, черный или какой-то другой, хозяйничал уже без его ведома. Он тоже чувствовал твердую поверхность, и если бы его спросили, как именно, вряд ли объяснил. Просто знал, что она недалеко, и что времени у них осталось не так много. Они пробыли в холодной воде около двадцати минут. Еще десять и начнется необратимое переохлаждение. Арлинг уже давно не слышал в себе никакой боли, а это было плохим знаком.

Суша возникла внезапно. В вязком иле на мелководье сразу завязли ступни, но под руку попались жесткие длинные стебли, в которые он вцепился. И даже вспомнил название – рогоз, хотя в Сикелии растение не росло. Прошлое тянулось к нему, но Регарди не был уверен, что готов. Хамна карабкалась рядом на четвереньках. Борьба с холодным течением потрепала наемницу, и ноги у нее подгибались. До берега пришлось брести сквозь заросль рогоза, и Арлингу совсем не нравилось, что рука не чувствовала его жестких стеблей.

Теперь лес вызывал совсем иные чувства. Взобравшись по круче к опушке, они спрятались от ветра в ближайших зарослях, которыми, если замерзшие чувства Регарди не ошибались, оказались кусты ивы. Узкие длинные листья достаточно загрубели, готовясь к увяданию, чтобы пальцы слепого могли их узнать. Время пошло на минуты.

Глава 4. Жертвенная

Арлинг и Хамна были воинами, имевшими за плечами богатый опыт выживания. Что делать, знал каждый. Холод обитал по ночам в сикелийских пустынях, жил в горных речках Исфахана и Гургарана. Переохлаждение было кучеярам знакомо. Не раздумывая, они принялись стягивать с себя мокрую одежду, хотя Арлинг чувствовал, что пусть на секунду, но Хамна все же поколебалась, бросив на него странный взгляд. Етобарку нельзя было назвать стеснительной или той, которая будет переживать, оказавшись нагой перед мужчиной. И все же она сделала эту паузу. После чего сбросила с себя все и помогла Арлингу, который отчаянно пытался справиться с ремнем единственной распухшей рукой. Хамна раздела его молниеносно, а затем замер уже Регарди. Ее взгляд на своем теле он почувствовал также хорошо, как и мысли.

– Кровь у тебя на руке, – прохрипела она. – Ее слишком много.

Арлинг сжал пальцы, они слушались, но плохо.

– Нет, – покачала головой наемница. – Другая рука. Шов снова расходится. Времени мало.

А вот это было суровой правдой. Времени им отчаянно не хватало. Холодная вода лишила культю чувствительности. А может, вода здесь была ни при чем. Все советы имана о том, как обращаться с обрубком, теперь казались издевательством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.